ОТЕЦЪ СЪ СЫНОМЪ.

СТАРАЯ ПОГУДКА НА РУССКІЙ ЛАДЪ.

Повѣсть.

(Посвящается С. П. Шевыреву.)

I.

Въ Замоскворѣчьи, гдѣ–то, помнится, у Троицы, не то на Шаболовкѣ, не то въ Кожевникахъ, стоялъ каменный домъ такой постройки и наружности, что всякій старый Москвичъ, проходя мимо, говаривалъ: «вотъ сейчасъ видно, что хозяинъ для себя строилъ и что самъ живетъ». Все необходимое для большой семьи, для хозяевъ съ чады и домочадцы и для добрыхъ пріятелей, которые бы вздумали погостить, что нужно для простора, для привольнаго житья — все было тутъ; но безполезныхъ затѣй — никакихъ, и въ наймы здѣсь отдать ничего: «Не красиво,

да спасибо», говаривалъ хозяинъ, въ ожиданіи того, что гости станутъ отстаивать даже и красоту зданія собственной его постройки: «кому охота въ кучу сбиваться» продолжалъ онъ, бывало, «ступай съ Богомъ въ Питеръ, а мы Москву все такъ строимъ, пошире: всякъ про себя, а Господь про всѣхъ; какова ни есть, прошу не прогнѣваться.» Домъ этотъ, устроенный во всѣхъ отношеніяхъ по–хозяйски, былъ, какъ говорится, полная чаша и могъ бы во всякое время выдержать порядочную осаду — разумѣется, еслибъ только вздумали брать его не приступомъ, а голодомъ: полные подвалы и погреба, колодезь со студеною и чистою, какъ слеза, водою, надъ которымъ поставлено было родъ часовеньки съ иконою ангела хозяина, запасъ живности, дровъ, большой плодовый садъ и огородъ обезпечивали всѣ житейскія нужды обывателей этого хлѣбосольнаго дома. Не смотря на все это, были, однакожь, на Москвѣ и такіе люди, у которыхъ хозяинъ этотъ слылъ скупымъ; такую молву распустили и по–временамъ поддерживали тѣ, для которыхъ скупость,

порядокъ и бережь трудовой копейки было одно и то же, и которые страхъ не взлюбили обычая хозяина не давать взаймы людямъ, полагающимъ вообще, что кто беретъ деньги, тотъ надумался прежде, а теперь–де пришла пора думать тому, кто далъ.

«Не дать взаймы — остуда на время», говаривалъ старикъ, «а дать взаймы — ссора на вѣкъ». На милостыню былъ онъ тароватъ, но съ разборомъ, не всегда и не вездѣ; помогать, онъ помогалъ многимъ, если только видѣлъ, какъ он выражался, что грѣхъ былъ денежный, т. е. что можно было пособить деньгами и ждать отъ этого прока; а гдѣ приходилось не въ коня кормъ сажать, тамъ онъ былъ и глухъ и нѣмъ. «Истинникъ дърогъ нашему брату», говаривалъ онъ: «а какъ только сталъ раздавать деньги по сторонамъ, такъ ужь одна ножка подкосилась: далеко не уйдешь, каковъ рѣзовъ ни будь. Дворянскіе животы и тонкіе, да долгіе, тянутся: а нашъ братъ какъ чуть только не по силамъ потянулъ, такъ и надорвался. Опричь того — не жалѣть живота, такъ знать, что прокъ

будетъ: а на вѣтеръ бросать — никому угодить.»

Въ воскресный день по вечеру, хозяинъ этого дома сидѣлъ съ какимъ-то пріятелемъ у себя въ гостиной за шахматами и острилъ, между-тѣмъ, какъ человѣка три гостей любовались со стороны и по-временамъ смѣялись. По первому взгляду видно было, что хозяинъ и эти три посѣтителя принадлежали къ русскому торговому сословію, а противникъ перваго въ игрѣ походилъ на что-то въ родѣ разночинца.

— Я тебѣ улью щей на ложку, погоди! говорилъ хозяинъ, сдѣлавъ прехитрый ходъ конемъ.

— Ваша воля — наша доля, отвѣчалъ задумавшись противникъ его, и сдѣлалъ самъ хорошій ходъ, между-тѣмъ, какъ старикъ затянулъ-было опять ту же пѣсню: «я тебѣ улью... вотъ онъ каковъ!» продолжалъ онъ, «не труситъ: умеръ, а глядитъ... бѣекъ ты, бѣекъ — постой, я тебя угомоню... кабы на горахъ не морозъ, такъ оно бы и черезъ тынъ переросъ... Не

суйся жь напередъ отца въ петлю», прибавилъ онъ, и убилъ слона.

Противник предвидѣлъ уже ударъ этотъ, но все–таки немного прикусилъ губу и молча сходилъ пѣшкой.

— По грибы не часъ, и по ягоды нѣтъ — такъ хоть по еловыя шишки, продолжалъ тотъ спокойно, погладивъ бороду, и убилъ пѣшку. —Бей ворону и сороку — добьешься и до бѣлаго лебедя.

— Худо! замѣтилъ противникъ, покачивая ногой, такъ–что сапогъ началъ громко скрипѣть.

— На свѣтѣ и съ худомъ худо, сказалъ старикъ, вскинувъ веселые сѣрые глаза на зрителей: — а безъ худа и вовсе худо. Не плачь, козявка, только сокъ выжму, прибавилъ онъ, пододвинулъ ферезь, подгоняя ее въ два перста, вплоть къ королю противника и всталъ молча, утирая потъ платкомъ. Зрители засмѣялись, а старикъ, взглянувъ черезъ плечо на своего противника, который все еще сидѣлъ задумавшись надъ доской, сказалъ: — Что сидишь? Кончено; тутъ, братъ, и комаръ

носу не подточитъ. Пройдись маленько, не то одурѣешь.

Стѣнные часы ударили девять и посѣтители, будто сговорившись, по этому знаку всѣ взялись за шапки; разночинецъ сталъ–было оправдываться въ проигрышѣ своемъ и доказывать, что игра его сперва стояла лучше, но старикъ забросалъ его поговорками, а потомъ взялъ у него изъ рукъ шапку, сказавъ: «постой же, не бѣги; надо еще съ тобой потолковать слова два». Прочіе, простившись, ушли, а этотъ остался.

— Ну, сказалъ хозяинъ: — намъ вѣдь помѣшали; присядь, да доскажи... или, правда, тебѣ не сидится, такъ, пожалуй, ходи маятникомъ передо мной, только смотри, чуръ, не по ногамъ.

— Есть предатели, Гаврило Степанычъ! началъ тотъ скороговоркой, и каріе глаза его заблестѣли искрой самоотверженія и злобы, губы сжались, подбородокъ задрожалъ, и по лицу пробѣгали какіе–то судорожные порывы. — Есть предатели отечества, по самозабвенію долга, чести и присяги.

— Чтѣ жь? спросилъ спокойно старикъ: — губные старосты, что ли? аль опять разбойный приказъ? — (Замѣтимъ, что въ то время, когда это происходило, давно уже не было этихъ мѣстъ и званій, но собесѣдники наши понимали другъ друга и въ подобныхъ случаяхъ даже глазъ–на–глазъ, всегда выражались иносказательно).

— Нѣтъ, Гаврило Степанычъ, повыше–съ: не деревянная изба горитъ, а каменны палаты — совершаются беззаконія: кто правъ, тотъ и виноватъ, а кто виноватъ, тотъ и правъ.

— Кто жь у тебя въ объискѣ облихованъ?

— Да дѣло Кулагина проиграно.

— Не–ужь–то? Да, то–есть, проиграно въ продажномъ?

— Нѣтъ, за Никольскими. Перенесли; все какъ на ладонкѣ, развернули; думали: гдѣ правда, коли не у Спаса (*)... пять тысячь, да коляску съ лошадьми (тутъ онъ шепнулъ что–то на ухо старику, перегородивъ ротъ ладонью) да...

— Эй, прикуси языкъ!

(*) àÁ,¨ÒÚÌ‡fl ÒÚ‡ ËÌÌ‡fl ÔÓ„Ó,Ó Í‡.

— Да, тысячу; да пять–сотъ на мелкую Сашку — а передавалъ тотъ, какъ его — съ Собачей Площадки — и рвали ассигнаціи по поламъ: одну половину отдали въ задатокъ, а другую, для вѣрности, оставили у себя; де–скать сдѣлаете — отдадимъ, а обманете — пусть же не достается ни вамъ, ни намъ. Ну, и сдѣлали; а вчера по–вечеру отвезли другую половину; могарычей просилъ, не дали; а донскимъ запили.

— Экъ онъ счетъ–то знаетъ въ чужихъ карманахъ! хоть бы тебѣ за это по денежкѣ съ рубля положили, коли вѣрно сочтешь... ну?

— А коляску съ лошадьми объявили въ вѣдомостяхъ въ продажѣ; а кто пришелъ спросить, такъ говорятъ: нѣтъ ея, ужь продана–де такому–то.

— Ну, а тотъ же что, сердечный, въ Кречетникахъ?

— Что жь? и радъ бы всплакаться, да нѣ кому. Это–съ, Гаврило Степанычъ, не приведи Богъ; это просто ложись живьемъ подъ холстину, да и скажись мертвымъ; это извергу подобное; это ни жить, ни умереть... (Голова его тряслась, онъ

произносилъ слова съ сильнымъ удареніемъ, подтягивалъ жосткія губы, а руки, не смотря на горячность своего разсказа, почти во все время держалъ по швамъ, изрѣдка только дозволяя себѣ махнуть рукой въ сторону, и спѣшилъ тотчасъ же опустить ее на свое мѣсто, какъ человѣкъ, привыкшій стоять на–вытяжку.

— Ну, братъ, сказалъ хозяинъ: — опять у тебя легкихъ не хватаетъ — опять заговорилъ печонкой! Брось; куда и шестомъ не достанешь, туда носомъ не тянись: щелчка дадутъ.

— Нельзя–съ; помилуйте, Гаврило Степанычъ, это... это хоть святыхъ вонъ понеси отъ такого позору; этого стерпѣть нельзя; это, сами изволите видѣть...

— Ну, нельзя, нельзя... полно молоть: утро вечера мудренѣе; переспи, такъ угомонишься, и выйдетъ, что можно. Мало ли чего нельзя, да можно!

— Нѣтъ–съ, я вотъ и Михайлѣ Гаврилычу докладывалъ...

— Сыну? А гдѣ ты его видѣлъ? когда? Гдѣ онъ шатается?

— Видѣлъ–съ около полудня ныньче, въ Городѣ, въ Троицкомъ. Ужь каковъ ни есть–съ, а по–крайности способный человѣкъ и съ благородствомъ. Я и Михайлѣ Гаврилычу говорилъ, то–есть...

— Шатунъ онъ, сударь ты мой! шатунъ!

— Оно несомнительно; можетъ–статься, что и такъ.

— Да, оно такъ, продолжалъ старикъ: — ему, сыну Гаврилы Степанова Гребнева, не приходилось бы жить такъ — отъ утра до вечера, а помянуть ничего; недѣля прошла, до насъ не дошла. Ему бы старика–отца надо слушаться: старикъ умнѣе его; а онъ щенокъ еще, даромъ, что ему двадцать–шестой годъ. За перо — не мы, за счеты — не мы, а попѣть да поплясать, противъ насъ не съискать.

— Истинно такъ; свѣтъ ныньче избаловался; одна порча нравственности первенствуетъ...

— Чѣмъ бы ему заняться дѣломъ, учиться у старика наживать копейку, да въ помощь быть ему — а онъ норовитъ только выскочить куда на просторъ, ровно лихой песъ, прости Господи! и пошелъ рыскать.

Варъ ў сердца мнѣ Миша этотъ, вотъ что. Знаетъ одна грудь да подоплёка, чего онъ мнѣ стьитъ. А жалѣлъ ли я на него расходу? Такъ ли онъ выросъ, какъ вскармливали насъ грѣшныхъ? Простите, благословенные покойники мои, батюшка Степанъ Гаврилычъ и матушка Анна Сергѣвна — не васъ я лихомъ поминаю, успокой васъ Господь! а тогда, знать, такая пора была. Мишу хотѣлъ я вывести въ люди, хотѣлъ пустить на свѣтъ такимъ, чтобъ не стыдно было показаться, а онъ вонъ куда глядитъ... правда говорится: не рожденъ — не сынъ, не купленъ — не холопъ; не вскормя, не вспоя, вѣрога не увидишь...

— Что жь, Гаврило Степанычъ! на то ваша воля родительская — не давать потачки...

— Своя воля — спола горя; какъ мнѣ, такъ и ему: оба луки, оба туги; ужь у него кутніе зубы всѣ вышли, не ребенокъ; на него распашонки не надѣнешь. Сынъ–то онъ мой, а умъ у него свой. Ну, не слушается отца и матери — послушается телячьей шкуры. Видно, такъ Богу угодно.

Я говорилъ, говорилъ — и языкъ обмололъ. Скажешь ему слово, хоть намекомъ — вотъ какъ вчера спросилъ я только: это–де какое диво, что ты нынѣ пришатнулся въ контору съ самаго утра? Онъ броситъ книги, хлопнетъ дверью и былъ таковъ. Я только погляжу вслѣдъ и принимаюсь за работу съ наемными... Коли выростилъ я тебя такого, что переросъ ты и меня — такъ учить тебя поздно. Ступай съ Богомъ. Не учили покуда — поперегъ лавочки ложился, а во всю вытянулся — не научишь.

— Подвергнуть бы его отеческимъ взъисканіямъ...

— Нѣтъ, братъ, ты дѣла этого не разумѣешь. У тебя, вишь, все на умѣ служба, да подъячьи продѣлки, да мѣры взъисканій — ты гнешь, не паришь, переломишь не тужишь: а толку въ тебѣ мало; не хочу вымещать на дѣтяхъ того, чтъ было съ нами — царство вамъ небесное! (и перекрестился) — чтобъ дѣти не вымещали на внучатахъ...

— А можетъ статься они, Михайло Гаврилычъ, то–есть, безлестно сказать, еще

исправятся–съ, Гаврило Степанычъ: есть примѣры…

— Привыкла собака за возомъ бѣжать — бѣжитъ и за саньми; коли глупъ безъ усовъ, такъ борода одну дурость только и вынесетъ на Божій свѣтъ — а сѣдина въ бороду, такъ еще хуже: и договаривать не надо — старая пословица! Кайка–то есть у насъ, у всѣхъ, да ворльтьки–то нѣту.

— Надобно надѣяться на Бога, Гаврило Степанычъ, продолжалъ тотъ скорогоркой: — сами знаете — оно все отъ Бога, больше ни отъ кого–съ.

— Нѣтъ, братъ, Филиппъ Егорычъ, полно: самъ будешь плохъ, такъ уже и не подастъ Богъ. Когда бъ не ѣда, да не одёжа — такъ всѣ бъ мы лежа опузырились. Наше торговое дѣло такое: копейка рубля бережетъ; а въ который день не нажилъ, такъ прожилъ: въ одной порѣ не станешь. А ты, думаешь, наживешь рыскавши по Москвѣ, на погулкахъ? На кого я хозяйство покину, домъ, торговлю? Гдѣ у меня хозяинъ? Нѣмецъ мой занятъ своимъ — а онъ одинъ только и гожь. Бабье дѣло пироги — а сынъ не туда глядитъ. Это все,

прости ей Богъ, Голомянинова! Не такъ, скажешь, Филиппъ Егорычъ, ась?

— Должно–быть, что истинно такъ, Гаврило Степанычъ; у Голомяниновой и дочь есть.

— Да, на бѣду есть она. Чего жь онъ къ нимъ чалится? Онъ думаетъ, никто этого дѣла и не видитъ?

— Должно–быть, думаетъ, Гаврило Степанычъ.

— Зарѣжетъ онъ меня тупымъ ножомъ, вотъ что. Я покойнику Голомянинову говорилъ давно: ты, братъ, съ пирушками своими далеко не уйдешь; либо нѣтъ, да плясать, либо дѣло дѣлать, а я дѣловаго скомороха еще не видалъ родясь. Ну, говоритъ, самъ посуди, какъ же мнѣ не помирволить моей Аннѣ Ивановнѣ, да и Алёнушку надо потѣшить — нельзя безъ того: а того не зналъ покойникъ, что гдѣ влъосъ дологъ, тамъ умъ коротокъ. Вотъ онъ и сѣлъ; еще за умъ хватился, царство ему небесное, что взялъ да померъ — хоть стыда нѣтъ на живой головѣ его.

— Слышно было, однакожь, что нашелся благодѣтель, что по исправности, то–есть,

разсчитываетъ дѣла ея, Анны Ивановны, потому–что ей не подъ силу.

— Вѣрю, что не подъ силу! Да вѣдь она же сама и мотала?

— Должно–быть, она–съ, отвѣчалъ разночинецъ весьма–утвердительно.

— Такъ чего жь тутъ въ порядокъ приводить? Ужь видно она привела въ порядокъ все. А кто взялся?

— Не могу знать–съ; только–что кредиторы приступили къ ней... извѣстно, рады бы хоть что–нибудь получить, просили хоть бы полтинку за рубль выдать; такъ она, какъ–будто этакъ, спроста ли, или по злоумышленію, — должно быть, что по злоумышленію — упросила ихъ еще на отсрочку, и будто, то–есть, обѣщаетъ больше выдать.

— Ну, да; извѣстное дѣло, эти козы бывали и на нашемъ торгу: лишь бы отвязались на время; а тамъ, авось, опять чѣмъ–нибудь проведемъ. Не такъ, скажешь?

— Должно быть истинно такъ–съ. Опричь худа, какое добро нынѣ отъ кого ожидать? Пора такая... время скудное и

тяжелое, только тѣмъ и живется, что авось на небось…

— Да, а тѣмъ часомъ авльська веревку вьетъ, а небльська на тебя и петлю накидываетъ.

— Истинно такъ. Вотъ, хоть бы въ продажномъ приказѣ, о которомъ изволили помянуть, чтль тамъ дѣлается? Заподлинно извѣстно, что за пять рублей не только человѣка утопить, душу съ начинкой дьяволу продать рады: только бери. Вотъ хоть бы дѣло Исакова — чистое, святое — ну, проигралъ… А вотъ у Николы въ Толмачахъ…

— Полно, Филиппъ Егорычъ, отъ твоего прихода къ ночи такая сўтолока къ сердцу подступитъ, что самъ отъ себя не скажешься дома. Что жь, матушка Авдотья Ивановна, продолжалъ онъ, обратившись къ вошедшей въ комнату хозяйкѣ своей: — аль не пора еще ужинать? чай, пора?

— Готово все, Гаврило Степанычъ, отвѣчала она самодовольно: — я затѣмъ и вошла: милости просимъ.

Смекаемъ — подумалъ про себя старикъ — стало–быть, сына нѣтъ дома, а

она меня задабриваетъ. Такое заключеніе вывелъ онъ изъ того, что у Авдотьи Ивановны столъ былъ готовъ минута въ минуту по положенію, что она сама пришла звать къ ужину, и что вышла къ вечернему столу при такомъ ненавистномъ гостѣ, каковъ былъ для нея Филиппъ Егоровичъ. Но старикъ не хотѣлъ болѣе сердиться въ воскресный вечеръ, а потому не показалъ и вида, что понялъ, въ чемъ дѣло, не спрашивалъ даже о сынѣ, а велъ бесѣду о постороннихъ вещахъ и утѣшилъ этимъ Авдотью Ивановну до–нѣльзя: она радовалась за сына и за себя, за ловкость свою и умѣнье обдѣлать щекотливое дѣло. Это, впрочемъ, была слабая струнка ея, отъ которой Гаврило Степановичъ не могъ отъучить ея въ тридцать лѣтъ: она, во–первыхъ, всегда немножко хитрила, даже и тамъ, гдѣ хитрить было вовсе нѣчего; а во–вторыхъ — всегда хитрила неудачно, особенно съ мужемъ, который зналъ ее насквозь и, не слышавъ голоса ея, по одной поступи всегда безошибочно угадывалъ, какой масти козыри пойдутъ въ ходъ.

II.

ГРЕБНЕВЪ СЪ ПРИЧТОМЪ.

Оставимъ же ихъ за щами съ кулебякой и гречневой кашей, и скажемъ нѣсколько словъ для поясненія разсказа.

Гаврило Степанычъ Гребневъ, именитый купецъ на Москвѣ, человѣкъ безукоризненной честности, большаго ума и способностей, былъ привязанъ душой и тѣломъ къ своему званію, велъ дѣла свои въ примѣрномъ порядкѣ, не занимался почти ничѣмъ, кромѣ дѣлъ этихъ, и развѣ только изрѣдка игрывалъ по вечерамъ въ шахматы, да по воскресеньямъ, возвращаясь отъ обѣдни, навѣщалъ къ обѣду свою замужнюю дочь: болѣе онъ не зналъ никакихъ удовольствій, занятій или развлеченій и хотѣлъ, чтобъ всѣ жили, какъ онъ. Врагъ всего перемѣннаго, моднаго, неосновательнаго, всѣхъ тягостныхъ и неразумныхъ условій приличія, онъ требовалъ, чтобъ разсудокъ, умъ и разумъ руководили человѣкомъ во всѣхъ дѣлахъ и поступкахъ его и порицалъ сухою и рѣзкою

насмѣшкою все то, что было противно смыслу и потребности. Самъ онъ всегда оставался вѣренъ себѣ; онъ былъ вовсе не безчувственъ, но выказывалъ не болѣе чувства, какъ ему казалось нужнымъ и полезнымъ; никто и никогда не видалъ, чтобъ онъ забылся и вспылилъ не у мѣста; онъ всегда былъ ровенъ, иногда только шумѣлъ и горячился словами, языкомъ, когда считалъ это нужнымъ, но не сердцемъ; изрѣдка, можетъ–быть, самый близкій сердцу предметъ, какъ, напримѣръ, разговоръ о сынѣ, могъ увлечь его нѣсколько за предѣлы душевнаго спокойствія; никто не видалъ, чтобъ онъ запустилъ какую–нибудь работу, отложилъ ее до другаго дня, сдѣлалъ какъ–нибудь, или положился въ ней на другихъ; занятія были для него жизнію, но только занятія дѣльныя, по торговлѣ, которую онъ предпочиталъ всему на свѣтѣ, и потому Гаврило Степановичъ бичевалъ поговорками своими немилосердо всякаго, у кого были свои слабости и кто иногда дозволялъ себѣ кой–какія льготы и упущенія. «Этотъ не затянется въ хомутѣ своемъ, хоть ему вѣкъ

не распускай супони; и этотъ не надорвется возомъ своимъ, а чтобъ не свалилъ его куда–нибудь въ канаву, такъ за это не поручусь: смотрите, доведется подпрягать всѣмъ намъ.» Такими и подобными выраженіями онъ коротко и рѣзко отдѣлывалъ людей, которые были ему не по нутру, и надобно сказать правду, ошибался рѣдко или почти никогда не ошибался: если онъ пророчилъ, что прійдется подпрягать, то человѣкъ этотъ на короткѣ разорялся и вылеталъ изъ трубы, т. е. дѣлался несостоятельнымъ. При опытности и прозорливости своей, Гребневъ съ нѣсколькихъ словъ разгадывалъ человѣка, видѣлъ его насквозь и нерѣдко могъ бы говорить за него, вглядѣвшись немного въ лицо его и въ пріемы. Если онъ давалъ кому–нибудь прозвище, то клеймилъ имъ человѣка на вѣкъ. Гребневское прозваніе всегда сшито было на такую мѣрку, что всякъ узнавалъ въ немъ человѣка, и что, казалось, человѣкъ этотъ былъ не полонъ безъ клички, а кличка создана была для него.

Гребневъ былъ по–московски тороватъ на нужное и полезное, но онъ не давалъ мѣднаго гроша тамъ, гдѣ это, по убѣжденію его, было безполезно. Такъ, на–примѣръ, онъ выручалъ многихъ купцовъ отъ несостоятельности, если они попадались въ бѣду по чужой винѣ, или по одной неосторожности; но въ этомъ случаѣ онъ самъ разсматривалъ всѣ книги и дѣла этого человѣка, приводилъ все въ порядокъ и извѣстность, рѣшалъ однимъ словомъ участь его, давалъ ему полезные совѣты и, давъ ручательство, въ чемъ слѣдовало, помогалъ, сколько нужно, наличными деньгами и кредитомъ своимъ и передавалъ ему опять дѣла, сказавъ: «Съ Богомъ, разживайся съ легкой руки, да смотри, чтобъ все было чисто у тебя: коли ты у меня хоть во снѣ увидишь, что–де живутъ же люди кривдою, такъ и намъ не лопнуть стать, то я тебя живьёмъ утоплю, безъ пощады; издохни, коли на то пошло, да, по правдѣ — такъ ты одинъ весь кредитъ купеческій на Москвѣ подымешь вершкомъ. Тогда будешь богатъ, передъ Богомъ, а у Гребнева за столомъ сытъ.» При такомъ

нравѣ, Гребневъ могъ быть хорошъ только съ тѣмъ, кого онъ уважалъ; а съ кѣмъ онъ не былъ хорошъ только съ тѣмъ, кого онъ уважалъ; а съ кѣмъ онъ не былъ хорошъ, тому трудно было съ нимъ ужиться, и старикъ неумолимою строгостью и крутостью своею могъ всякаго, какъ говорится, сль свѣта сжить, не только выжить изъ своего дома. И вотъ ключъ и корень тому, почему онъ такъ дурно уживался съ сыномъ.

Михайла Гребневъ, которому дано было такое хорошее воспитанiе, какое рѣдко достается, человѣку его круга, въ сущности стльилъ своего отца, по способностямъ и качествамъ ума и сердца; но онъ былъ, во–первыхъ, еще молодъ въ–сравненiи съ отцомъ, во–вторыхъ, искалъ иногда внѣ дома тѣхъ развлеченiй, которыхъ, конечно, въ домѣ родительскомъ не находилъ, а, въ–третьихъ, былъ мягче и пламеннѣе отца, увлекался иногда тѣмъ и другимъ и скучалъ нѣсколько сухостiю своего домашняго быта. Отецъ воспиталъ его такъ, чтобъ его сдѣлать самостоятельнымъ, чтобъ онъ, какъ старикъ выражался, смолода

привыкалъ своею рукою кашу ѣсть и не проносилъ бы ложки мимо рта, за ухо: по этому ребенку всегда давали много воли и отецъ довольно–хорошо умѣлъ заставить его вь–время судить здраво и поступать со смысломъ; но изъ этого мало–по–малу вышло другое неудобство: сынъ, такъ–сказать, отъ рукъ отбился; онъ по вошедшему въ законъ обычаю приходилъ и уходилъ, когда и какъ хотѣлъ, не давая никому въ томъ отчета и въ послѣднее время сталъ уже пропадать по цѣлымъ днямъ. Отецъ, которому это крѣпко не нравилось, видѣлъ, однакожь, самъ, что нѣтъ придирки, нѣтъ пьвода потребовать вдругъ отчета въ поступкахъ человѣка двадцати–пяти лѣтъ, когда это не водилось съ пятнадцатилѣтняго возраста его; что строгостью и вообще приказанiями и запрещенiями можно только испортить дѣло, а не поправить его; да Гаврило Степановичъ, впрочемъ, и всегда держался того правила, что человѣку нужна воля, что онъ долженъ дѣйствовать по разумному убѣжденiю, а не по слѣпому повиновенiю; но Гаврило Степановичъ, въ обращенiи съ

сыномъ, не умѣлъ держать языка своего на привязи, и потому сынъ съ давняго времени почти не слышалъ отъ него добраго слова. Михайла занимался у него въ конторѣ особою частью: дѣлами по сплаву и гужевой перевозкѣ товаровъ, или вообще по выпискѣ, укладкѣ и доставкѣ ихъ, какъ въ Москву, такъ и изъ Москвы; онъ былъ исправенъ, велъ дѣла эти хорошо, нѣсколько разъ даже старикъ былъ очень–доволенъ сыномъ и почти рѣшался сознаться мысленно, что изъ Михайлы будетъ со–временемъ большой толкъ; но несправедливость его и какая–то дикость передъ отцомъ, стараніе кончить только скорѣе работу и не сказавъ лишняго слова бѣжать со двора — эти–то несчастныя обстоятельства все опять портили, и Гаврило Степановичъ, къ крайнему прискорбію своему, былъ увѣренъ, что сынишка его никуда не годится, что онъ шатунъ, мотыжка, и торговыхъ дѣлъ въ порядкѣ вести не можетъ.

А между–тѣмъ, ларчикъ открывался очень–просто: если Михайла, по причинамъ, о которыхъ мы говорили выше,

и по другимъ, о которыхъ будемъ говорить ниже, если Михайла и точно велъ себя не совсѣмъ такъ, какъ бы слѣдовало по строгимъ правиламъ Гаврила Степановича, то холодность и сухость между ними возникли болѣе по волѣ отца, нежели сына, а сознаться въ этомъ старику Гребневу было мудрено; онъ привыкъ уже къ тому, что былъ правъ всегда и вездѣ, что онъ все дѣлаетъ умнѣе, основательнѣе и лучше другихъ; словомъ, онъ слишкомъ полагался на твердый умъ свой и на безпристрастіе. Проступки или слабости сына были у него передъ глазами, не подлежали никакому сомнѣнію; ихъ можно было отдать на чей угодно судъ — и сынъ былъ виноватъ кругльмъ: это такъ; но за то на обращеніе отца съ сыномъ суда и судьи не было, и Гребневъ самъ объ этомъ забывалъ.

Неумолимою строгостью своихъ сужденій, передъ которыми каждая вина была виновата и оправданій никакихъ не спрашивалось, еще болѣе рѣзкостью и колкостью замѣчаній, произнесенныхъ нерѣдко, по неосторожности, а, можетъ-быть, и съ умысломъ, въ присутствіи

стороннихъ людей и даже прислуги. Гаврило Степановичъ отчудилъ сына своего отъ себя, поставилъ его въ невозможность обращаться къ отцу съ любовію и довѣріемъ и сдѣлалъ для бѣднаго Михайла изъ отчяго дома мѣсто пытки, томительной скуки и огорченій. Одного взгляда Гаврила Степановича на вошедшаго въ контору и принимающагося за дѣла свои Михайла было иногда достаточно, чтобъ у бѣдняка отнялись для работы на весь день руки и ноги и самая голова: онъ покидалъ все и пропадалъ опять на день. А Гаврило Степановичъ, продолжая хладнокровно занятіи свои, говорилъ самъ себѣ: «Что жь? не–ужь–то и этому я виноватъ? Не–ужь–то и теперь тоже я его выгналъ или обидѣлъ, тогда, какъ я не говорилъ даже съ нимъ ни слова и только взглянулъ на него, не вѣря подъ старость глазамъ своимъ, точно ли у меня сынъ въ десятомъ часу пришелъ уже за работу, тогда, какъ отецъ сидитъ тутъ съ пяти часовъ? Стало–быть, онъ и приходитъ за тѣмъ только, чтобъ опять улизнуть, да сказать послѣ сестрѣ и зятю: я–де былъ, да житья нѣтъ – согналъ отецъ. Нѣтъ, ужь,

кто зачѣмъ пойдетъ, тотъ то и найдетъ. Я–то старъ, да вѣдь ужь и онъ не малъ; какъ себѣ знаетъ! Люди въ его лѣта съ женой живутъ, да съ дѣтьми, а онъ все еще толчится по Голомяниновымъ.

Жениться... отъ этого бы, конечно, Михайла, въ его годы, не прочь — скажемъ мимоходомъ и объ этомъ слово — да и тутъ вышла такая бѣда, что отецъ съ сыномъ никакъ не могли сойдтись. У Гаврила Степановича на этотъ счетъ, при всемъ его умѣ, понятія были немного старовѣрческія: «Я жь ему указалъ вотъ невѣсту», говорилъ онъ, на–примѣръ, «хоть бы Андреянову вотъ — ну, что жь ему? чего жь онъ топорщится? Эта ли по немъ? и съ достаткомъ, и съ толкомъ, про домашній обиходъ и изъ хорошаго дома; а собой краля червонная — такъ нѣтъ, видно, ему искать пойдти какой–нибудь Несмѣяны–Царевны, либо Василисы Прекрасной». А когда сынъ наводилъ глазами на какую–нибудь дѣвушку, которая ему казалась по немъ, то Гаврило Степановичъ давалъ ей какое–нибудь дикообразное прозвище, и дѣло разстроивалось само–собой еще

далеко прежде всякаго устройства. «Сивая кобыла черноволосому покупателю не ко двору» замѣтилъ онъ сухо, разсмѣшивъ всѣхъ, когда однажды Авдотья Ивановна, съ великаго ума, стала выхвалять дѣвицу, которую втихомолку прочила за сына; и если сынъ и не думалъ, можетъ–быть, объ этой невѣстѣ, то не менѣе того ему такое замѣчаніе не могло понравиться, убѣждая его въ томъ, что если бы онъ и самъ когда–нибудь рѣшился на выборъ, то могъ бы ожидать такого же отвѣта и привѣта.

Авдотью Ивановну, то–есть, супругу свою, которая все еще по старой привычкѣ повязывалась пирогомъ, хотя платье носила нѣмецкое, Гаврило Степановичъ любилъ и уважалъ, какъ скопидомку и добрую хозяйку — и въ этомъ ставилъ онъ все достоинство женщины, прощая ей въ такомъ случаѣ много другихъ недостатковъ. Мы сказали уже, что Авдотья Ивановна всегда хитрила, и всегда очень неудачно; но это не только не мѣшало доброму согласію супруговъ, а напротивъ нерѣдко способствовало большому утѣшенію Гаврила Степановича. Дѣло въ томъ, что

если бы только Авдотья Ивановна была въ–самомъ–дѣлѣ хитра и скрытна, то Гаврило Степановичъ, безъ всякаго сомнѣнія, не ужился бы съ нею ни за что; но какъ она только сама воображала себѣ, что она очень–хитра, на дѣлѣ же была довольно–проста, довольствуясь тѣмъ, что сама себя считала знахаркой, то это только забавляло его и тѣшило. Въ 30 лѣтъ, Авдотьѣ Ивановнѣ не удалось ни одного разьчку схитрить и провести мужа чѣмъ и какъ бы то ни было; но ей казалось, что хитростію ея и умѣньемъ держится весь домъ и что не будь только ея, Гаврило Степановичъ все бы испортилъ. Мнимая хитрость эта, у которой, какъ Гаврило Степановичъ выражался, было для обиходу и всего–то двѣ либо три масти, безъ козырей, хитрость эта ему нисколько не мѣшала: онъ читалъ по глазамъ Авдотьи Ивановны, какъ по открытой книжкѣ, и очень–забавно водилъ ее иногда по цѣлымъ часамъ вокругъ да около, не давая ей въ руки клада, за которымъ она ухаживала; или же прямо и съ перваго слова озадачивалъ ее, отвѣчая на вопросъ о праздникахъ отвѣтомъ о

новыхъ обояхъ, къ которымъ она намѣревалась дойдти не прежде, какъ къ вечеру на другіе сутки. Впрочемъ, подобный отвѣтъ нисколько не сбивалъ ее съ кону, и она оставалась все–таки въ полной увѣренности, что дѣло приняло столь неожиданно и внезапно такой выгодный оборотъ собственно по ловкому складу вступительной рѣчи ея.

Марья Гавриловна, дочь Гребнева, была замужемъ за Нѣмцемъ, фабрикантомъ Иваномъ Андреевымъ Шрейеромъ. Отъ матери ей досталось въ удѣлъ нѣсколько извѣстной намъ наклонности: держать прозапасъ и иногда пускать въ оборотъ немножко хитрости, подъ личиной кротости и смиренія; но ей также далось и отцовское наслѣдье — здоровый и весьма–дѣльный умъ, почему она и не переступала никогда лисьимъ обычаемъ своимъ извѣстныхъ предѣловъ и всегда вль–время умѣла свернуть, гдѣ нужно, на другую колею. При врожденной живости и веселости нрава, искреннемъ добродушіи ея и ловкомъ умѣ, она хитрила несравненно–успѣшнѣе матери и не разъ успѣвала даже своимъ обычаемъ,

подъ–стать непритворнаго простосердечія, склонить отца на какое–либо дѣло — и это была одна только особа, съ которою Гребневъ рѣдко состязался, а всего охотнѣе ей уступалъ.

У Марьи Гавриловны было уже трое малютокъ, и это была для матери сильная пружина, могучій рычагъ, которымъ она нерѣдко довольно–успѣшно приподымала сердце Гаврила Степановича и направляла чувства и мысли его по произволу. Если только у старика была какая–нибудь слабость — кромѣ избытка силы, самонадѣянности и рѣзкости— то это любовь къ дѣтямъ вообще и въ особенности къ внучатамъ. Воскресенье было для старика большимъ праздинкомъ, съ–тѣхъ–поръ, какъ у Маши расплодились ребятишки. Онъ непремѣнно каждое воскресенье ѣздилъ съ женою, послѣ обѣдни, на Прѣсню, гдѣ стояла фабрика Шрейера, и оставался у нихъ обѣдать. Старикъ тутъ всегда былъ веселъ, любя безъ памяти дочь, умную, живую, веселую и примѣрную хозяйку — и нѣжась на большомъ диванѣ, среди внучатъ своихъ,

съ которыми хохоталъ до слезъ и рѣзвился самъ, какъ ребенокъ.

За безпутнаго человѣка Гребневъ не отдалъ бы дочери своей, однимъ одну, которую любилъ притомъ, какъ любить можно. Познакомившись со Шрейеромъ коротко въ торговыхъ дѣлахъ и узнавъ въ немъ человѣка по себѣ, онъ подумалъ, когда замѣтилъ, что этотъ сталъ посѣщать его гораздо–чаще, чѣмъ требовали ихъ дѣла, подумалъ: «человѣкъ по–сердцу — половину вѣнца: суженаго и на кривыхъ оглобляхъ не объѣдешь — а хорошій Нѣмецъ лучше плохаго земляка». Когда же дѣло, наконецъ, состоялось, то Авдотья Ивановна ровно съ полатей свалилась — хотя все дѣлалось у нея передъ глазами; она видѣла, что Нѣмецъ увивался около Маши, что онъ жалуетъ часто и что между ними есть какія–то шашни; одну половину этой необычной тревоги она однакоже складывала на живость и вѣтренность Маши, которая, какъ любимица отца, позволяла себѣ много; другую же часть сваливала прямо на Шрейера, которому прощалось лишнее потому только, что онъ

былъ Нѣмецъ; но она никогда не могла себѣ вообразить, чтобъ такое дѣло состоялось безъ помощи добрыхъ людей, чтобъ не пріѣзжали за этимъ по нѣскольку разъ и съ разныхъ сторонъ, и чтобы пара каретъ или колясокъ не стояли цѣлыя двѣ недѣли до покончанія дѣла у подъѣзда. Впрочемъ, она вскорѣ утѣшилась тѣмъ, что и Гаврило Степановичъ и Маша, по–видимому, повѣрили ей на–слово, будто она все это давно видѣла и знала и даже сама все къ тому вела и приспособляла. Шрейеру и подавно не было никакой надобности сомнѣваться въ дальновидности Авдотьи Ивановны, отъ которой зависѣло счастье его, и потому, когда онъ, потряхивая головой и съ пріятностію улыбаясь, расшаркивался передъ матушкою и на всѣ замѣчанія и доказательства ея безпрекословно соглашался, то она была очень–довольна и собою и имъ, и со слезами обняла своихъ дѣтей.

Шрейеръ былъ полуобрусѣвшій московскій Нѣмецъ, поселившійся въ Москвѣ съ отцомъ и наслѣдовавшій отъ него небольшую, но устроенную фабрику,

которую самъ нѣсколько расширилъ и довелъ еще до лучшаго состоянія. И онъ, какъ многіе другіе, кряхтѣлъ подъ–часъ о томъ, что мастеровые распились, что на воровство ихъ не найдешь суда, что товару нѣтъ продажи иначе, какъ на долгіе сроки, при которыхъ нерѣдко теряется вся мнимая выгода производителя; что нельзя принудить къ уплатѣ того, кто платить не хочетъ, за что и должны отвѣчать хорошіе плательщики, отъ–чего выгода теряется вмѣстѣ съ довѣріемъ, а товаръ дорожаетъ; что при уплатѣ золотомъ, покупщики устанавливаютъ свой произвольный курсъ, который не входилъ въ разсчетъ продавца за 13 мѣсяцовъ, а между–тѣмъ крайность вынуждаетъ принять чтъ даютъ, лишь бы не лишиться всего — и прочее; но Шрейеръ кой–какъ перебивался, былъ очень–остороженъ и осмотрителенъ, а потому дѣла его шли. Правдивость его была извѣстна всякому, кто съ нимъ знался, и всякій съ удовольствіемъ имѣлъ съ нимъ дѣло. Первые годы замужества дочери своей, Гребневъ испытывалъ зятька и ловко его искушалъ, полагая, что тотъ

непремѣнно разсчитывалъ на стариковскій карманъ. Но когда, въ–теченіе двухъ лѣтъ, объ этомъ и рѣчи не было и Иванъ Андреевичъ ни разу не прибѣгалъ къ пособію его и даже, какъ–будто съ намѣреніемъ, того чуждался, а изворачивался своимъ и стороннею помощію — то Гаврило Степановичъ попросилъ зятя посвятить его во всѣ подробности дѣлъ по заведенію и оборотовъ его, входилъ во всѣ мелочи, повѣрялъ и пересматривалъ все и, убѣдившись въ добромъ и надежномъ балансѣ, выждалъ рожденія перваго внука и выдалъ зятю изрядную пачку на обзаведеніе. «Замужняя дочь — отрѣзанный ломоть», сказалъ онъ тогда: «за нею слѣдомъ и хлѣбъ–соль идетъ изъ отцовскаго дома». Маша была счастлива съ этимъ мужемъ и онъ съ нею.

Разночинецъ, котораго мы видѣли у Гребнева за шахматной доской, а послѣ, какъ–будто въ званіи какого–то дакальщика и вѣстовщика, былъ лицо замѣчательное. Онъ, впрочемъ, не разночинецъ, а небольшой чиновникъ

среднихъ лѣтъ, перешедшій на вѣку своемъ много степеней, мѣстъ, званій и вѣдомствъ, будучи постоянно удаляемъ отовсюду за безпокойный нравъ свой. Гребневъ говорилъ объ немъ, что это–де загнанная, брыкливая кляча, которую никто не смогъ выѣздить и отучить отъ норова, сколько ни хлестали ее по бокамъ; что она, перебѣгая то поле въ три–девята поприща, то въ полтора переклика, одинаково выбивалась изъ силъ, надрываясь даже и порожнемъ, потому–что хочетъ тащить за собою не телегу, въ которую запрягли ее, а весь земной шаръ.

Доказательствомъ какихъ–нибудь достоинствъ этого человѣка, можетъ, однакоже, служить для насъ уже самая пріязнь съ нимъ Гаврила Степановича, который, впрочемъ, называлъ его иногда юродивымъ, но не гонялъ отъ себя, а, напротивъ, любилъ съ нимъ побесѣдовать. Отъ застлью крови хорошъ этотъ человѣкъ, говаривалъ Гаврило Степановичъ: только его принимать надо осторожно, какъ и всякое лекарство, не то разбередитъ печенку.

Егоръ Филипповичъ Сулейкинъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ, глядя на суету–суетъ мірскую, умъ зашелъ за разумъ. У этихъ людей бываютъ такіе глаза, уши и вообще наружныя чувства, что они ими ничего не видятъ и не слышатъ вкругъ себя, кровѣ однихъ только беззаконій, одной вопіющей неправды, продажности, словомъ, кромѣ зла и злоупотребленій всякаго рода при совершенномъ безсиліи доблести и правды. Они вездѣ и повсюду видятъ одно только торжество порока. Къ какому бы предмету люди этого разбора ни подошли, они быстро окидываютъ его взглядомъ и по этому особенному устройству глаза, или по своеродной воспріимчивости въ общемъ чувствилищѣ своемъ, видятъ всегда только одну изнанку или одну подноготную, которая, по ихъ убѣжденію, вездѣ одна и та же — зло. Лицевой сторонѣ, хазовому концу, они никогда не вѣрятъ, и потому даже не смотрятъ на нее: они Богъ–вѣсть почему привыкли разъ–навсегда почитать ее одною только вывѣской, для приманки и обольщенія легковѣрныхъ.

Я не умѣю лучше объяснить направленіе ума у этихъ людей, какъ разсказавъ, чтъ недавно еще со мною случилось, когда я съ такимъ человѣкомъ, котораго, впрочемъ, уважаю за прямоту его и благородство, прохаживался по академическому музею. Я остановился передъ слономъ и, увлеченный на ту пору думою объ этомъ громадномъ и дивномъ созданіи, хотѣлъ согрѣть тѣмъ же чувствомъ холодный и спокойный взглядъ моего товарища, который, прибывъ недавно и притомъ въ первый разъ въ столицу, никогда не видалъ доселѣ слона, ни даже чучела его, а между–тѣмъ былъ, къ изумленію моему, вовсе нечувствителенъ къ такому диву. Я старался воспламенить его, обращая его вниманіе на огромные размѣры животнаго — а онъ, покачавъ головою, отвѣчалъ: «А въ немъ–то, въ немъ — то–то дряни набито — чай возами въ него мусоръ возили»!!

Егоръ Филипповичъ безспорно зналъ житейскую и служебную изнанку, какъ никто болѣе въ мірѣ; онъ видѣлъ и ощупывалъ ее чуткими пальцами, при необыкновенныхъ дарованіяхъ своихъ къ

тому, въ разныхъ мѣстахъ, степеняхъ, должностяхъ и званіяхъ. Еслибъ мы стали разсказывать, гдѣ и какъ онъ служилъ и почему не ужился ни тутъ, ни тамъ, то, чего добраго, это приняли бы за личности, или посовѣтовали бы намъ по–крайней–мѣрѣ не говорить, что онъ служилъ въ томъ или другомъ вѣдомствѣ, а ограничиться однимъ третьимъ, за которое, по какимъ–либо отношеніямъ и обстоятельствамъ, не постоятъ: поэтому, я думаю, лучше умолчать объ этомъ вовсе, тѣмъ болѣе, что послужной списокъ Сулейкина очень–обширенъ. Довольно того, что, ополчаясь всегда съ неотразимымъ мужествомъ, съ убѣжденіемъ, доходившимъ до изувѣрства и изуступленія, противъ всякой неправды, этотъ несчастный Донъ–Кихотъ своего вѣка сражался и боролся съ вѣтренными мельницами, съ привидѣніями, и не разъ, въ порывѣ отчаянной битвы, пробадывалъ козьи бурдюки и приходилъ въ себя, сидя на деревянной скамьѣ — вмѣсто рыцарскаго коня; но, расплачиваясь всегда за все это своими боками, онъ увѣрялъ, что скамейка эта подставлена мошенниками, и что

лошадь, на которой онъ сидѣлъ, подмѣнена. Ему хохотали въ глаза, а онъ говорилъ свое. Хоть рыло въ крови — да наша взяла, подшучивалъ, бывало, надъ нимъ въ такихъ случаяхъ старикъ Гребневъ, и Сулейкинъ, воображая себя побѣдителемъ, торжествовалъ. Куда бы онъ ни попадалъ, кто бы ни бралъ его къ себѣ, надѣясь найдти въ немъ надежнаго поборника безкорыстія и чести — отовсюду онъ былъ вскорѣ изгоняемъ съ безчестіемъ; нигдѣ и ни съ кѣмъ онъ не могъ ужиться, потому-что нигдѣ не находилъ и тѣни своей утопіи.

Не говорите, чтобъ не было на свѣтѣ честныхъ людей, чтобъ нѣ кѣмъ было замѣстить нисшихъ должностей — люди есть, но конечно все равно, что ихъ нѣтъ: они не годятся ни куда; это тѣ самые люди, изъ которыхъ каждый порознь называется безпокойнымъ человѣкомъ; имъ остается одно только утѣшеніе — сойдти съ ума. Они переводятся и уничтожаются сами-собой, переѣдая, если не другъ друга, то по-крайней-мѣрѣ каждый самъ себя. Они бѣснуются временно, а тамъ сходятъ съ ума вовсе, или умираютъ въ богадельняхъ. Они

остаются въ своемъ разумѣ и добромъ здравіи развѣ тогда только, когда опытная премудрость житейская переломитъ и переверстаетъ ихъ на свой ладъ, увлечетъ въ общемъ потокѣ своемъ и даже одаритъ благопріобрѣтеннымъ имуществомъ. Если же этого не случится, то люди эти неминуемо умственно надрываются, начинаютъ путаться въ своихъ понятіяхъ, бродятъ по цѣлому свѣту какими–то мнимо–грозными приставами Провидѣнія и бываютъ то смѣшны и жалки, то невыносимо–тягостны и повсюду излишни, точно какъ–бы они родились на свѣтъ по недогляду, и имъ тутъ не было ни мѣста, ни пристанища. Они жалки, какъ виновные или невинные страдальцы и жертвы, и сверхъ–того заставятъ всякаго призадуматься надъ этимъ ужасающимъ примѣромъ нашей житейской превратности.

И вы, читатель мой, знавали такого человѣка: вы сперва тѣшились имъ, потомъ бѣгали отъ его докучливости, за тѣмъ говорили: «воля ваша, а у этого человѣка на вышкѣ обстоитъ неблагополучно; я не знаю, какъ отъ этого человѣка

отвязаться!...» И онъ развязалъ васъ — изнемогши подъ бременемъ непосильнымъ; либо, продолжая въ неистовомъ, горячешномъ бреду заклинанія свои, онъ созрѣлъ для дома умалишенныхъ, либо схватился за ножъ убійцы или самоубійцы, либо, наконецъ, пропалъ безъ вѣсти, такъ–что объ немъ нѣтъ ни слуху, ни духу... Онъ просился въ дворники, но его, разумѣется, не приняли; куда онъ затѣмъ дѣвался — не знаю.

Сулейкинъ стоялъ на раздорожицѣ между этою тройною судьбою, и неизвѣстно еще, по какому пути судьба потянетъ его за вихоръ. Горе, съ которымъ онъ вѣкъ свой проняньчился, и строптивость, съ которою старался побороть всякую супротивную встрѣчу, хотя и не сломили его еще вовсе, но крѣпко уходили и подшибли ему леткц. Нищета и голодъ были ему свои; умишко его держался кой–какъ въ мозгу, но Филиппъ Егоровичъ, человѣкъ вовсе непьющій, раза два на вѣку своемъ бывалъ въ бѣлой горячкѣ. Онъ уже извѣдалъ порывы отчаянія и самаго жестокаго изступленія и

въ эти минуты ножъ и огонь бывали любимыми его игрушками.

Удалившись окончательно — или удаленъ будучи — съ лѣстницы гражданскаго чиноначалія, Сулейкинъ выдержалъ одинъ изъ этихъ порывовъ, а затѣмъ притихъ немного, не знаю на долго ли, будто выбившись изъ силъ на неровномъ единоборствѣ, потому–что онъ ходилъ одинъ на–стѣну, по выраженію кулачныхъ бойцовъ, а это никому не–подъ–силу. Онъ сталъ промышлять хожденіемъ по дѣламъ и приложеніемъ руки своей, въ качествѣ свидѣтеля, на совершаемыхъ въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ актахъ, при частныхъ сдѣлкахъ. Для этого онъ въ извѣстные часы являлся ежедневно въ этихъ мѣстахъ, и если тутъ были сдѣлки, то его приглашали къ заручной. Но рыцарь нашъ и тутъ не могъ обойдтись безъ чудачества: цѣлковый или полтора — это была извѣстная плата за засвидѣтельствованіе подписи, и просители, неприведшіе съ собою кого–нибудь изъ знакомыхъ, всегда клали сумму эту на

бумагу, когда просили постороннихъ людей о такой услугѣ; Сулейкинъ расписывался, принималъ цѣлковый и поспѣшно представлялъ просителю четвертакъ сдачи: Филиппъ Егоровичъ считалъ дѣломъ совѣсти не брать никогда за ничтожную услугу свою болѣе трехрублеваго.

Итакъ Сулейкинъ былъ ходлькъ и проводилъ свободное время у немногихъ старыхъ пріятелей и покровителей своихъ, которые при всемъ юродствѣ его не могли отказать ему въ какомъ–то уваженіи или состраданіи и въ хлѣбосольномъ пріемѣ. Между этими покровителями, Гребневъ стоялъ въ головѣ. За то Сулейкинъ, пролазивъ все утро по крыльцамъ, лѣсенкамъ и задворьямъ, являлся всегда къ нему къ первому съ вѣстями и новостями, которыя на него, Сулейкина, по замѣчанію Гребнева, наносило вѣтромъ. Эта непостижимая для нашего брата способность знать и видѣть какимъ–то чутьемъ всю подноготную по всѣмъ воровскимъ, мошенническимъ, съискнымъ, продажнымъ и плутовскимъ дѣламъ, была врождена Сулейкину, какъ потребность

насущной пищи. Если бы мы не знали всей жизни и быта этого страннаго человѣка, котораго Гребневъ хотѣлъ поставить сторожемъ у открытаго сундука, когда бы вздумалъ размѣнять свои семь мильйоновъ на лобанчики и ссыпать ихъ въ одну груду, — еслибъ не знать этого юродиваго какъ себя, то должно бы полагать, что онъ самъ главный атаманъ всѣхъ шаекъ или по-крайней-мѣрѣ въ половинѣ со всѣми присосками разбойнаго, съискнаго и продажнаго приказовъ. Но онъ былъ чистъ, какъ младенецъ. Онъ былъ жертвой обстоятельствъ, и спасительнымъ пристанищемъ его, вѣроятно, будетъ со-временемъ мѣстечко въ домѣ умалишенныхъ.

О, нехорошо тамъ, гдѣ бродятъ юродивые этого разбора, гдѣ осторожные обходятъ безпокойнаго, помѣшаннаго на чести, безкорыстіи, долгѣ и обязанности!... Несчастные межеумки, гонимые судьбой и людьми, нетерпимые въ обществѣ, невыносимые для начальниковъ и подчиненныхъ, скажите, гдѣ ваше мѣсто въ этомъ мірѣ? Гдѣ кругъ вашего дѣйствія,

зачарованный, пропавшій и скрывшійся, какъ подъ шапкой–невидимкой? Или въ–самомъ–дѣлѣ народились вы безъ мѣста и безъ судьбы, безъ союзнаго звена, которое бы васъ связало съ необозримою цѣпью прочихъ созданій? Откуда же берется неумолчный потокъ вашихъ бичующихъ рѣчей? зачѣмъ глаза ваши блещутъ такимъ огнемъ и губы дрожатъ? Больной ли мозгъ и нервы ихъ перекосили, или они хотѣли бы высказать намъ великую правду? Откуда берутся, наконецъ, эти незваные поборники правды, эти продавцы и выдавцы изнанки, эти мученики чести? Зачѣмъ они всегда выходятъ изъ среднихъ, или даже нисшихъ слоевъ общества и — куда прикажете съ ними дѣваться?..

III.

РАЗСТРОЙСТВО.

Гребневъ–сынъ, жившій въ пристройкѣ отцовскаго дома, полуодѣтый ходилъ съ безпокойствомъ по комнатѣ, нерѣшительно

брался за платье и опять покидалъ его, будто говоря самъ–себѣ въ отчаяніи: «Къ–чему все это? все вздоръ, все напрасно! Удивиться или бѣжать съ отцовскаго двора на вольный свѣтъ — вотъ что мнѣ осталось, болѣе ничего! И за чтѣ, Боже мой, за что? чѣмъ я это заслужилъ?» — и закрылъ лицо обѣими руками.

Дверь тихо отворилась, и вошла женщина въ простомъ платьѣ и большомъ, измаранномъ бумажномъ платкѣ.

— А! Афимья, сказалъ Михайла, ободрившись нѣсколько: — что скажешь?

— Да чтѣ спросите, батюшка, отвѣчала она скороговоркой: — пришла я не по щучьему велѣнью, сама такъ пришла; на рынокъ, признаться, иду, для кухни господской кой–что искупить, такъ я зашла поблагодарить васъ.

— Господь съ тобою, моя милая, перебилъ ее Михайло: — нѣ въ чемъ тебѣ благодарить, а мнѣ не приходится этого слушать.

— Нѣтъ, батюшка, какъ же! ужь воля ваша, позвольте: вѣдь вотъ, посмотрѣли бъ вы, какъ господа–те за васъ Богу молятъ;

ужь признаться, что и я на радостяхъ не утерпѣла, сдѣлала вчера ангелу своему суприз, лампадку купила, а ужь барышня–то, красная — извѣстно, дѣвичье дѣло, не то, чтобы она, то–есть — ну, а ужь васъ Господь надоумилъ, такъ–что за вами, какъ за Богомъ спимъ, словно таки вотъ въ красные дни при покойномъ баринѣ... Вчера, батюшка, откупились вашею милостію и отъ этого, прости Господи, что все кричалъ: «кормовыя деньги внесу, а посажу» — и онъ подался теперь, смирно все слушалъ, денежки взялъ, хоть и не такъ велики, да обѣщалъ сождать... Анна Ивановна такъ вотъ свѣтъ увидѣла; Алёна Юрьевна, барышня, все вишь вами величалась, да сперва разжалобила, а тамъ инно разсмѣшила барыню — такъ вотъ, ей–Богу, сквозь слезы смѣялась, сердечная.

Михайло надѣлъ между–тѣмъ молча сюртукъ свой, взялъ шляпу, трость и только, когда онъ подошелъ къ дверямъ, которыя загородила собою Афимья, эта опомнилась, стала прощаться и спрашивать, не зайдетъ ли сегодня Михайло Гавриловичъ къ Голомяниновымъ?

— Не знаю, отвѣчалъ тотъ разсѣянно: — кланяйся, увидимъ...

Онъ вышелъ, надѣвъ шляпу, и пошелъ прямо на Прѣсню.

Тамъ дядю встрѣтили дѣти и отвели къ своей матери, а его сестрѣ, сидѣвшей съ двумя штопальщицами за нѣсколькими половинками тонкаго сукна. Изъ валяльни сукно всегда переходило въ ея руки. Поздоровавшись весело съ братомъ, она стала–было продолжать работу свою, но, замѣтивъ по односложнымъ отвѣтамъ тревожное его состоянiе, оставила все и вышла съ нимъ въ садъ.

— Чтѣ ты у меня опять хандришь? сказала она, разглаживая у него волосы на лбу.

— Нѣтъ мѣчи, сестра, воля твоя. Это не житье, а каторга. Я все брошу и уйду куда глаза глядитъ, будь Божья воля!

Маша испугалась нѣсколько, но старалась скрыть это и, лаская брата, просила его объясниться.

— Не дивно ли это, сказалъ онъ, отецъ нашъ одинъ изъ умнѣйшихъ, добрѣйшихъ и правдивѣйшихъ людей на Москвѣ, а

между–тѣмъ онъ меня гонитъ со свѣту и мнѣ нѣтъ отъ него житья! У меня языкъ не поворачивается, сестра, не доставало доселѣ духу вымолвить это слово; но терпѣнье мое лопнуло, а сказанное слово не воробей — какъ отецъ говоритъ — выпустишь, такъ не поймаешь...

— Но, ради Бога, говори, что жь случилось?

— Ничего, коли хочешь; все то же каждый Божій день — но капля камень долбитъ и камень же отъ жара трескается. Ничего не случилось — все идетъ по старому, по прежнему; но старое это истязало меня до того, что и я, какъ камень, готовъ лопнуть. Какое мое житье? для чего, кому въ угоду или на пользу живу я здѣсь? Я ли не призна† достоинствъ и благости моего отца? Но чѣмъ и какъ я ему это покажу? Сказать — онъ не повѣритъ, однимъ словомъ своимъ засунетъ такую занозу, что она ввѣкъ не выболитъ; я записанъ у него на черной доскѣ и — ты знаешь нравъ его — я уже теперь ничѣмъ не могу выслужиться. Молчать — я молчу; но кому же отъ этого легче? Желчь горкнетъ

все болѣе у него и у меня, и дѣло чѣмъ–нибудь должно порѣшиться. Войду я въ контору — я иду туда со страхомъ и трепетомъ — и острое, ѣдкое словцо, въ–полголоса брошенное при служителяхъ нашихъ, возмутитъ мнѣ всю душу, и я спѣшу на просторъ. Тогда я ужь кругомъ виноватъ — шатаюсь, вмѣсто того, чтобъ заниматься дѣломъ. Прійду къ обѣду, къ чаю, иду, собравшись съ духомъ, спокойно и весело ему на встрѣчу — онъ встрѣчаетъ меня съ этою язвительною сухостью, или, какъ вчера, вопросомъ: «тебя какими судьбами сюда занесло?» Что на это отвѣчать? какъ жить съ такимъ отцомъ въ одномъ домѣ, сидѣть день–за–день за однимъ съ нимъ столомъ? Отъ–чего же онъ милостивъ, не только справедливъ ко всѣмъ, къ домочадцамъ, къ сосѣдямъ и пріятелямъ, даже къ чужимъ? Отъ–чего и за что я одинъ у него отверженъ и въ загонѣ?

Маша молчала и, глядя передъ себя, съ трудомъ удерживалась отъ слезъ.

— Послушай, сказала она, рѣшивъ всѣ сомнѣнія свои съ обычною ей живостью: —

послушай, Миша, ты меня любишь. Выслушай же меня. Отецъ нашъ добръ при всей строгости своей и справедливъ; недоразумѣніе между вами можно устранить: стѣитъ только показать ему, что ты покорный сынъ, готовый во всемъ исполнить его волю, и что незаслуженный гнѣвъ его тебя убиваетъ. Поди къ нему, глазъ–на–глазъ, скажи ему это, проси…

— Чего же я буду просить? сказалъ Михайло въ сильномъ волненіи: — прощенія? въ чемъ? Если отецъ, со своимъ яснымъ, спокойнымъ и пронзительнымъ взглядомъ спроситъ меня: въ чемъ же ты просишь у меня прощенія — чтѣ я буду отвѣчать? Но онъ даже и этого не сдѣлаетъ, онъ — сказать ли тебѣ, сестра, чѣмъ онъ меня встрѣтитъ… и тогда, тогда я не знаю, чтѣ надъ собою сдѣлаю… онъ спроситъ меня: «а кто это выдумалъ, сестра твоя или мать?» Видишь ли, на какую встрѣчу ты меня посылаешь!..

— О нѣтъ, нѣтъ, перебила его быстро сестра и кинулась ему на шею: — нѣтъ, ты огорченъ, а потому несправедливъ… я вижу, я понимаю горе твое; но успокойся,

ради Бога, мы подумаемъ, посовѣтуемся — все перемелется, мука будетъ!

— Тлѣнъ будетъ, прахъ будетъ — а не мука; но долго и невыносимо тяжело этого ждать... власть Господня; я усталъ.

Иванъ Андреевичъ Шрейеръ, мужъ Маши, возвратившись съ фабрики своей, шелъ по длинной просади бесѣдующимъ на встрѣчу.

— Вотъ, сказала Маша: — вотъ и онъ, онъ также пособитъ намъ обдумать и исправить это дѣло. Пойдемъ.

Она пересказала въ короткихъ словахъ мужу что тутъ безъ него происходило. Иванъ Андреевичъ почмлькалъ, покачалъ головой, опять почмлькалъ и замѣтилъ наконецъ, что это нехорошо.

— Да это мы и безъ тебя знали, сказала быстро Маша: — ты посовѣтуй намъ чтлъ дѣлать, какъ поправить дѣло!

— Время и терпѣніе, сказалъ подумавъ Иванъ Андреевичъ.

— И то и другое было, перебилъ Михайло: — да сплыло; его нѣтъ.

Иванъ Андреевичъ промычалъ, почмлькалъ, покачалъ головой, опять

замѣтилъ, что это нехорошо, и наконецъ посовѣтовалъ почти то же, что Маша: объясниться съ отцомъ.

— И я то же говорю, быстро подхватила Маша.

— Послушай, любезный другъ, сказалъ Михайло, не желая въ нетерпѣніи и досадѣ повторять всего того, что онъ говорилъ сестрѣ: — мнѣ теперь, право, не до комедіи, но я въ такомъ безпомощномъ, отчаянномъ положеніи, что готовъ на все, лишь бы вы меня научили тому, чего я не понимаю, чтъ я считаю невозможнымъ: склонить отца видѣть во мнѣ сына, а не врага. Извольте, я попираю всякое самолюбіе, всякое чувство собственнаго достоинства — я почти готовъ сказать: чувство чести — быть такъ; онъ во мнѣ поселилъ это чувство, я могу жертвовать имъ для него. Но коли вы взялись учить, такъ учите до конца: будь ты, Иванъ Андреичъ, отверженецъ Миша, а я буду отецъ твой; помни, ты стоцшь передъ Гавриломъ Степанычемъ Гребневымъ: говори! и Миша отступилъ отъ него на два шага.

— Ты въ–самомъ–дѣлѣ хочешь разъиграть комедію, сказалъ Шрейеръ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ съ жаромъ Михайло: — видитъ Богъ, мнѣ не до того — никакой комедіи не хочу разъигрывать, хочу отнынѣ дѣйствовать прямо, чисто, честно; но требую, чтобъ вы совѣты свои подтвердили дѣломъ: говори; если ты сладишь съ отцомъ — то я прійму совѣтъ вашъ. Говори, я готовъ: я желаю слышать, что ты будешь говорить. Ну!

Иванъ Андреевичъ взглянулъ на шурина и невольно сталъ одергиваться и оправляться. — Ну же! сказала въ нетерпѣніи Маша, которой этотъ оборотъ бесѣды нравился, и толкнула мужа слегка двумя пальцами. Онъ открякнулся, завертѣлъ немного головой, сложилъ передъ собой ладони на–крестъ и началъ: ну, что жь, я бы, на–примѣръ, сказалъ такъ:

— Батюшка! съ нѣкотораго времени между нами сталось что–то недоброе — и видитъ Богъ, у меня нѣтъ покоя отъ этого ни днемъ, ни ночью... Вы такъ добры, такъ добры ко всѣмъ, къ своимъ и чужимъ —

ради Бога, не отвергните же сыновней мольбы... простите меня, если я сталъ передъ вами виноватъ...

— Ну, чтѣ жь ты молчишь? сказала въ нетерпѣніи своемъ Маша, тронутая до слезъ и положила съ умоляющимъ взглядомъ обѣ рўки свои на локоть брата.

— Оставь, сказалъ онъ, я дѣлаю свое, а вы свое. Продолжайте.

— Батюшка, простите меня, если я передъ вами виноватъ, и пріймите меня въ ваши отеческія объятія...

— Ну, послышалось едва внятно со стороны Маши.

Михайло, уставивъ глаза на шурина, медленно проговорилъ:

— Кабы я вѣдалъ, гдѣ ты нынѣ обѣдалъ, зналъ бы я, чью ты пѣсню поешь.

— Нѣтъ, перебила его Маша съ горячностью: — нѣтъ, это не то: вотъ отвѣтъ отцовскій, продолжала она, и кинулась, какъ съ дуба свалившись, мужу на шею и зарыдала.

Михайло отвернулся быстро, положилъ руки въ карманъ и пошелъ въ низъ по просади. Обошелъ кругомъ, онъ скрылся, и

Маша съ мужемъ не видали его болѣе. Въ безпокойствѣ прошелъ этотъ день. Маша сначала настоятельно требовала совѣта отъ мужа, а когда онъ промямкалъ что–то и сталъ отмалчиваться, то она сама, быстро сообразивъ все, рѣшилась дѣйствовать; а именно: собрать на–скоро семейный совѣтъ, пригласить къ нему также мать, и потомъ двинуться общими силами на отца, не давъ ему замѣтить, что это было условлено, и подвести дѣло такъ, чтобъ отпировать мировую. Маша была увѣрена, что этотъ Сулейкинъ, котораго она ненавидѣла и звала пожарной трещеткой, былъ всему злу причиной; но она до времени не могла придумать, какъ бы его удалить отъ отца. Посмотримъ, подумала она, какъ лягутъ кости. Она также догадывалась, что въ этомъ дѣлѣ непремѣнно замѣшалось еще что–нибудь, о чемъ братъ ея не упомянулъ ни словомъ, и въ этомъ отношенiи она подозрѣвала привязанность его къ Голомяниновымъ. Объ этомъ она также положила разузнать непремѣнно. Она написала тотчасъ же брату записку, заклиная его собраться съ

послѣдними силами, потерпѣть только еще день–другой, и ни въ какомъ случаѣ не рѣшаться на что–либо, не переговоривъ сперва еще разъ съ сестрой.

На другой день подъ вечеръ, Маша влетѣла веселенькая какъ пташка къ отцу и привезла съ собой про запасъ одного внучка. Она знала, что это въ подобныхъ случаяхъ можетъ быть полезно. Хотя и случалось иногда, что Маша заѣзжала къ отцу такимъ образомъ, но двухдневное отсутствіе сына изъ конторы и прибытіе съ Машей внучка какъ–будто заставили его темно догадываться, о чемъ пойдетъ рѣчь: онъ былъ уже на сторожѣ. А когда черезъ четверть часа вошелъ Шрейеръ, который ѣздилъ куда–то по близости за дѣломъ и также заѣхалъ провѣдать тестя, то старикъ подумалъ: жена мужа не бьетъ, а подъ свой норовъ ведетъ. Продолжая весело бесѣдовать съ дѣтьми и взявъ внучка на колѣни, онъ безпрестанно оглядывался на дверь, будто еще кого–то ожидая; и какъ затѣмъ дѣйствительно дверь растворилась, и Авдотья Ивановна вошла, ронымъ шагомъ и съ беззаботнымъ лицомъ, то Гаврило

Степановичъ, въ знакъ исполненія ожиданій своихъ, кивнулъ ей привѣтливо головою. Никто, кромѣ Маши, не замѣтилъ этого движенія; но она почти поняла его и потому нѣсколько смутилась. Надобно кончить, подумала она, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; Иванъ Андреевичъ и безъ того сидитъ какъ–то самъ не свой, а маменька съ меня уже глазъ не сводитъ. Гдѣ же братъ? сказала она: — мы всѣ нечаянно сошлись вмѣстѣ, сидимъ какъ добрые семьяне у добраго дѣдушки — а брату бы и не порадоваться съ нами?

— Коли вы съ нимъ не условились, сказалъ Гаврило Степановичъ: — такъ чай не найдете его. У него свои радости. Иванъ Андреевичъ крякнулъ и тряхнулъ головой; Авдотья Ивановна вздохнула, сложила руки и опять взглянула на Машу, которая одна только за всѣхъ держалась хорошо и не смущалась.

— Отъ–чего же такъ, батюшка? сказала она: — о, вы не знаете, какъ онъ васъ любитъ, какъ бы онъ хотѣлъ заслужить вашу любовь и милость, еслибъ вы только… и она приподняла своего малютку,

поцаловала его и поставила на дѣдушкины колѣни, повертывая ребенка въ бокъ и въ другой: — если бъ вы только…

— Что? спросилъ Гаврило Степановичъ: — покачать его, не бось, на колѣняхъ, какъ вотъ этого хвата, какъ вотъ этого купчину — и захохоталъ, посадивъ ребенка верхомъ на одно колѣно, потомъ сталъ его быстро качать, приговаривая въ мѣру: — замѣшался нашъ Михайло что пестъ въ ложкахъ. Ни то, ни сё кипѣло, да и то вишь пригорѣло… на посудѣ, что на стулѣ, посидишь, да и встанешь… утки въ дудки, тараканы въ барабаны… умъ хорошо, два лучше, а три хуже… быть было ненастью, да дождь помѣшалъ! Вотъ тебѣ и конецъ, сказалъ онъ, поцаловавъ внучка, спустивъ его на полъ и вставъ со стула: — ты, Авдотья Ивановна, продолжалъ онъ, замѣтивъ, что она хотѣла что–то сказать: — коли, можетъ–статься, и твердо рѣчь свою протвердила, чайку бы намъ дала, душепарочку, такъ бы и Иванъ Андреевичъ открякнулся, а вѣдь онъ у насъ гость рѣдкій и дорогой. Ну, Маша, а что твои — какъ бишь ихъ — камелы, камела.

— Камеліи? О, принялись всѣ, отвѣчала Маша, съ невозмущаемымъ спокойствіемъ, и была весь вечеръ мила и весела, такъ–что даже Иванъ Андреевичъ любовался женой; но она уже и не заикнулась болѣе о братѣ, не смотря ни на какіе подмиги матери, понявъ, что это надо оставить до другаго случая.

Бѣдный Михайло былъ дома въ это время, какъ Маша очень–хорошо знала; иначе, она конечно бы и не предлагала позвать его — но и онъ положилъ безъ зову не ходить, и потому просидѣлъ въ покояхъ своихъ одинъ, во все время, что сестра съ зятемъ были у отца. Тоска и нетерпѣніе его достигли высшей степени. Послѣ безсонной, мучительной ночи, онъ съ утра сталъ готовиться въ путь, надѣясь черезъ два–три дня выѣхать. Куда — это было ему все равно, на просторъ; Москва ему была тѣсна; она, вопреки пословицы, передъ нимъ клиномъ сошлась.

На Прѣснѣ, день этотъ также, по–видимому, сулилъ мало добраго. Маша, озабоченная неудачею попытки своей и участью брата, проговорила объ этомъ съ

мужемъ своимъ до поздней ночи и проснулась съ тяжелой головой. Шрейеръ, отъ котораго она требовала совѣта, оставался при основательномъ мнѣніи своемъ, что тутъ со стороны пособить очень–трудно. Надѣясь вечеромъ увидаться съ братомъ, Маша считала въ нетерпѣніи часы и была въ большом по немъ безпокойствѣ. Около обѣда, неожиданно вошелъ старый слуга Гребневыхъ; она бросилась ему на встрѣчу, полагая получить отъ брата записку, но озабоченное лицо старика заставило ее остановиться, а вѣсти его были неутѣшительны: видя, что между старымъ и молодымъ бариномъ дѣлается что–то недоброе, старикъ пришелъ облегчить свою грусть и разсказать между прочимъ Марьѣ Гавриловнѣ, что Михайло Гавриловичъ не спалъ ночь, братъ не шутитъ, Маша рѣшилась немедленно открыть все отцу, надѣясь его этимъ тронуть и образумить. Поговоривъ съ мужемъ, который не зналъ совѣтовать ли ей что, или отсовѣтовать, она тотчасъ же отправилась къ отцу. На этотъ разъ, она все взяла на себя.

Вошедши напередъ къ матери, она застала ее въ слезахъ и съ большимъ вниманіемъ выслушала подробный разсказъ ея о томъ, что и какъ случилось; но чтобъ не наскучить читателю жалобами и повтореніями старухи, мы разскажемъ все это по–своему. Узнавъ черезъ людей о сборахъ сына, Авдотья Ивановна испугалась этого такъ, что позабыла всѣ свои обычныя предосторожности, а пошла на прямикъ къ Гаврилѣ Степановичу и разсказала со вздохами и плачемъ, что у нихъ въ домѣ дѣлается, умоляя его сжалиться и смиловаться надъ единороднымъ и единоутробнымъ ихъ дѣтищемъ. Она полагала озадачить старика неожиданною и ужасною въ глазахъ ея вѣстью, что–де сынъ вынужденъ бѣжать отъ отца, но вышло совсѣмъ иначе: Гаврило Степановичъ сказалъ только: «А что жь, Авдотья Ивановна, вѣдь онъ у насъ уже не отрокъ; съ Богомъ, какъ самъ знаетъ». У Авдотьи Ивановны опустились руки, и она чуть не обомлѣла. «Матушка», продолжалъ Гаврило Степановичъ: «успокойся; сынъ твой, признаюсь тебѣ по правдѣ, со всѣмъ

не глупо это придумалъ; отъ–чего же ему не проѣздиться? Съ Богомъ, и мое ему благословеніе на путь–дорожку. Рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ — гдѣ лучше; пусть поглядитъ на свѣтъ и себя покажетъ.»

Часъ спустя, Гаврило Степановичъ — небывалая вещь — вдругъ самъ отправился къ сыну, который укладывался, еще и самъ не зная, какъ, куда и когда онъ уѣдетъ, и потому былъ до крайности пораженъ явленіемъ отца.

— Здравствуй, Миша, сказалъ старикъ, и сѣлъ на диванъ, между раскиданными вещами, бумагами и чемоданами. — Я слышу, ты хочешь проѣхаться: знаешь ли? это ты вздумалъ не безпутное. Я, признаться, давно ужь хотѣлъ–было спросить тебя, что–де не съѣздить ли тебѣ туда–сюда? это дѣло доброе, нашему брату полезное. Чтъ это у тебя, вонъ на окнѣ, какая штука?

— Это дорожная баклажка, сказалъ растерявшійся Михайло.

— А мнѣ покажись отсюда пузырь какой–то продолжалъ спокойно

Гребневъ, — Ну, куда же ты думаешь ѣхать?

Михайло позамялся; его положеніе было очень–странно и неловко.

— Я думалъ, сказалъ онъ: — если вы меня отпустите, съѣздить къ дядѣ.

— Чего къ дядѣ, два–девяносто верстъ ни сборовъ, ни подъему не стѣитъ! Дядя дядей; хочешь, такъ провѣдай его, это твоя воля; а коли хочешь меня старика послушать, такъ вотъ тебѣ трактъ: въ Питеръ ступай, оттуда, на Рыбинскъ и Ярославль, въ Нижній, какъ–разъ поспѣешь къ ярмаркѣ: затруднять тебя тамъ не стану я, дѣла не навалю, а немножко оглянешься таки, я думаю, хоть присмотришь, какъ чтѣ идетъ, мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, съ ума не сойдешь, объ этомъ еще переговоримъ; а вотъ какъ у насъ съ тобой чтѣ есть, тѣ вмѣстѣ, а чего нѣтъ, пополамъ, то вотъ тебѣ и дорожный запасъ, пачка зайчиковъ.

Съ этимъ словомъ, онъ положилъ пукъ ассигнацій на столъ, а самъ привсталъ.

Михайла прошибла слеза; онъ схватилъ отца за руку, не могши ничего болѣе

выговорить, а Гаврило Степановичъ понатянулъ мышцы руки этой, какъ–будто желая удержать сына въ нѣкоторомъ отъ себя разстояніи.

— За обѣдомъ — ты прійдешь сегодня обѣдать? за обѣдомъ, продолжалъ онъ: — потолкуемъ еще, да и скажешь мнѣ, когда думаешь выѣхать. Въ контору на твое мѣсто пока сядетъ Семенъ Ивановичъ. Ну, до свиданія.

Чтѣ оставалось дѣлать Машѣ? Опомнившись отъ перваго удивленія и выслушавъ разсказъ матери и брата, она старалась успокоить первую сколько могла, сама приняла веселый и безпечный видъ, убѣждая ее, что лучшей развязки нельзя было ожидать, хотя она и сама видѣла, что это еще не развязка, по–крайней–мѣрѣ, не окончательная. Она уѣхала домой и обрадовала разсказомъ своимъ Ивана Андреевича, который былъ очень доволенъ поступкомъ тестя. Но Михайло былъ поставленъ въ какое–то незавидное положеніе и упалъ духомъ. Видно было, что, кромѣ неожиданнаго и страннаго оборота, которое приняло намѣреніе его

бѣжать изъ отцовскаго дома, еще и другое, и притомъ не менѣе задушевное обстоятельство, приводило его въ это отчаянное положеніе. Походивъ съ безпокойствомъ по комнатѣ, припомнивъ и передумавъ, по–видимому, многое, бросивъ взглядъ на будущность свою съ безнадежной точки настоящаго, оглядѣвъ еще разъ съ какимъ–то негодованіемъ приготовленія свои къ отъѣзду, Михайло, наконецъ, въ изнеможеніи кинулся ничкомъ на свою постель и долго пролежалъ въ этомъ положеніи.

IV.

БЕСѢДА.

Покончивъ это дѣло, Гребневъ–отецъ воротился къ себѣ на верхъ и былъ весь день такъ веселъ и спокоенъ, что Авдотья Ивановна не могла этому надивиться. Она собралась съ духомъ, скрѣпила сердце свое въ угоду Гаврилѣ Степановичу и, ухаживая за нимъ, придумывала разныя очень–хитрыя и ловкія мѣры, то чтобъ склонить

его удержать сына и помириться съ нимъ, то чтобъ вывѣдать смыслъ загадочнаго для нея образа дѣйствій мужа; но у нея на сегодняшній день не доставало духа исполнить хотя одно только изъ этихъ хитро–придуманныхъ предположеній, которыя, впрочемъ, всѣ были необыкновенно–многосложны и запутанны. Старикъ, по–видимому, не замѣчалъ ничего, былъ веселъ, разговорчивъ и любезенъ.

Къ вечеру зашелъ и заѣхалъ кой–кто изъ пріятелей Гребнева — люди торговые, но не все первой руки, а кто съ дѣльцомъ, кто съ просьбицей, кто провѣдать. Былъ тутъ, впрочемъ, и Сулейкинъ, который не миновалъ старика, если по Москвѣ ходили какія–нибудь вѣсти или новости, а всегда являлся съ ними первый.

Одинъ изъ гостей сталъ жаловаться на всеобщую бѣдность. Гаврило Степановичъ былъ этотъ вечеръ въ духѣ, и ему захотѣлось высказать задушевныя убѣжденія свои.

— А что за такой за звѣрь бѣдность? спросилъ онъ: — и что за звѣрь богатство?

Вопросъ этотъ простили старику ради странности; всѣ согласились, что это недостатокъ и обиліе денегъ, то–есть, звонкой монеты, или, пожалуй, если кредитъ обезпеченъ, денежныхъ знаковъ.

— Ну, а я бы тебя обсыпалъ золотомъ, сказалъ старикъ: — да посадилъ бы на Ивана–Великаго, да чтобъ къ тебѣ никому ни ходу ни лазу не было, что тогда твое богатство?

Собесѣдники разсмѣялись и согласились, что оно бы и гроша не стоило.

— Ну, а пустилъ бы я тебя съ нимъ къ такимъ Чувашамъ, которымъ золота твоего не нужно, не стали бы брать его даромъ, и не дали бы тебѣ за него ни иглы, ни кафтана, ни хлѣба? Ну, а жилъ бы ты съ золотомъ своимъ и между людьми, да стали бы они править съ тебя за аршинъ сукна мильйонъ, за сапожишки два, а хлѣбъ былъ бы на вѣсъ золота? Стало–быть, не въ одномъ золотѣ сила! Тебѣ понадобились лучшія сельди; на Москвѣ дай за нихъ, за два десятка, три цѣлковыхъ; а пойди на мѣсто, тамъ болѣе полтины серебра не возьмутъ съ тебя. Стало–быть, богатство —

это обиліе, избытокъ вещей, а не денегъ. Чего много въ привозѣ — то дешево, тѣмъ каждый изъ насъ богатъ; чего мало — тѣ дорого, тѣмъ мы бѣдны. Вотъ, по–моему, обиліе и нищета, а не деньги.

«Пойдемъ дальше: по ниткѣ дойдешь и до клубка. Ты жалуешься, что много денегъ за границу идетъ, что мы у людей покупаемъ много на наличныя деньги, а они у насъ мало, и что отъ этого торговый балансъ бываетъ не такъ–то выгоденъ. Поглядимъ.

«Человѣкъ, какъ онъ созданъ Богомъ, не суконщикъ, не сахароваръ, не портной, но онъ все вмѣстѣ: самъ пашетъ, самъ оретъ, самъ и денежки беретъ; всякую потребу дѣлаетъ и добываетъ онъ самъ. Какъ только, попущеніемъ Господнимъ, расплодились люди, то одинъ, которому досталось мѣсто сподручное для поливки, сталъ огородничать; другой, которому достался вязовый лѣсокъ, сталъ дуги гнуть; третій полюбилъ сапожное ремесло; четвертый принялся за портняжное, и т. д. Кто за что взялся, то тому и сподручнѣе; дѣло мастера боится — вотъ ужь всякому и

не приходится все на себя работать самому, а сходнѣе за размѣнъ приняться; я сѣю хлѣбъ: Богъ далъ избытокъ, а хлѣбъ ѣдятъ всѣ, — мѣняю на хлѣбъ и сапоги, и кафтанъ, и дугу. Коли у меня сапожникъ зазнается, понадѣется на то, что онъ одинъ, да запрльситъ за пару сапогъ не въ мочь и не въ мѣру, то–есть, болѣе того, чего стльитъ трудъ его, то мы поглядимъ на него, да не боги и горшки обжигаютъ, кто–нибудь изъ насъ и пріймется самъ тачать, и собьютъ спѣсь съ него. На рынкѣ два дурака: одинъ дорого проситъ, другой дешево даетъ, да цѣну устанавливаетъ Богъ: цѣна по труду; изрѣдка только удается нашему брату, какъ вотъ, моему сапожнику, сорвать побольше, коли этого товара на рынкѣ мало, а запросъ великъ, да и то — куй пока горячо, скоро подоспѣютъ другіе.

«Теперь, братцы мои, сошлись мы на томъ, что въ торговомъ дѣлѣ два дурака и у каждаго свои выгоды; одинъ говоритъ: переродъ хуже недороду, потому–что ему нужно мало въ привозѣ, много въ запросѣ; другой хочетъ, чтобъ было хоть въ мошнѣ

пусто, да въ привозѣ густо. Сапожникъ молитъ Бога, чтобъ никто, опричь его, не шилъ сапоговъ; мы съ тобой, Кондратьичъ, чтобъ намъ однимъ торговать хлѣбомъ да желѣзомъ, а прочимъ–инымъ чѣмъ угодно; гробовщику урожай, когда люди мрутъ; но покупателю нѣтъ до насъ нужды: всякій норовитъ купить дешевле и желаетъ многаго состязанія, такъ же, какъ живой человѣкъ, въ угоду гробовщика, умереть не хочетъ. Кто же правъ? Живой человѣкъ, или гробовщикъ? а то же самое надо сказать и о всякомъ промышленикѣ, все одно; жаловаться на избытокъ и дешевизну сукна, потому–де, что суконщикамъ плохо — это значитъ: дома не здорово, тараканъ въ сучк® ногу увязилъ. Не для суконщика свѣтъ стоитъ, а суконщикъ для свѣта; стало–быть, нельзя бояться избытка товара; все одно, отколѣ бы онъ не пришелъ; чтъ больше будутъ насъ имъ заваливать, то и лучше, тѣмъ богаче мы будемъ. Мы съ тобой себѣ–на–умѣ, Кондаратьичъ, а просимъ мы, воля твоя, не христолюбивое: запрети привозъ изъ–за моря, чтобъ брали товаръ у насъ; да что же

мірянъ обижать? тебѣ руки погрѣть, а имъ уши отморозить? Запретить привозъ — запретить обиліе и поселить нищету…

«Вы молчите, стало–быть, не спорите и подаетесь на то, что обиліе — это богатство; а большой привозъ, хоть бы тебѣ изъ лукоморья, хоть изъ–за тридевять земель — то же обиліе, то же мірское богатство. А міръ великое дѣло; гласъ народа гласъ Божій; выгода и польза государства есть и наша. Коли каждому изъ насъ выгоднѣе отвезти за границу, по нашимъ цѣнамъ, на сто тысячь, а привезти за это на двѣсти, то это будетъ выгоднѣе и государству, хоть торговый балансъ говоритъ, что мы отправили за море на двадцать мильйоновъ, а взяли оттуда на тридцать, и что, стало–быть, дѣло невыгодно; пошло, видно, десять мильйоновъ наличныхъ денегъ за море. Какъ же тутъ быть? поправить недолго; всѣ мы за себя и за матушку Русь постоимъ горой, добра не пожалѣемъ; быть такъ — сложимся всѣ, нагрузимъ корабль товарами еще на двадцать мильйоновъ, отправимъ его, по милости Харичкова, куда глаза глядятъ, лишь бы съ глазъ долой, да

и вывалимъ товаръ въ Нѣмецкое Море: вотъ мы, Кондратьичъ, и поправили торговый–это балансъ: вывезли на сорокъ мильйоновъ, а привезли только на тридцать!... Вотъ я васъ и накрылъ мокрымъ рядомъ! прибавилъ старикъ, захохотавъ, когда на лицѣ собесѣдниковъ выразилось отчаянное недоумѣніе. Пойдемъ дальше, прибавилъ онъ, по ниткѣ до клубка дойдемъ.

«Создатель съ насъ ничего не беретъ за лѣсъ, который онъ выростилъ, за крушцовую руду въ горахъ, за рыбу въ водахъ: все наше, и даромъ наше, только бери. Въ пльдполѣ–подпольѣ стоитъ пирогъ съ морковью — ѣсть–то хочется, да лѣзть не хочется — вѣдь взять–то, на это время нужно и трудъ: вотъ что дорого! Надо лѣсъ выбрать, да подсѣчь его, да послѣ срубить, привезти — вотъ мы за что платимъ, а не за бревно; цѣни это бревно по надобности въ немъ — такъ его не купишь на вѣсъ золота. А хлѣбъ? да изъ золота и зерна не вымолотишь, а безъ хлѣба всѣ мы пропали.

«Стало–быть, братцы мои, трудъ, работа, ремесло — раждаются изъ потребы,

потому–что на всякую потребу есть помѣха, запятая. Хлѣбъ за брюхомъ не ходитъ, а брюхо за хлѣбомъ. Всякую потребу протянувъ руку съ мѣста не добудешь; подлѣ избы грибки не ростутъ, а поди нарѣжь лозы, сплети вершу, поставь ее умѣючи на стрежнѣ, зная, что рыба противъ воды идетъ, да опять поди достань изъ нея рыбу — да тогда и поѣшь ушицы. Да и то погоди: въ сухомятку ея не съѣшь; надо ее очистить, приготовить, сварить — и это либо самъ сдѣлай, либо дай за трудъ другому то, чтѣ взялъ съ третьяго за свой трудъ; вотъ она гдѣ, круговая–то порука!

«Глядите жь: ремесло, либо промыслъ строится не по щучьему велѣнью, а тамъ, гдѣ ему потреба: это трудъ, услуга, одолѣніе помѣхи на общую пользу; вотъ почему ремесло и хлѣбъ не даромъ ѣстъ — и хлѣба не проситъ, а съ нимъ добро. Теперь, чтѣ жь бы вы сказали на это, если бы я вотъ съ своимъ кирпичнымъ заводомъ сталъ просить: запретите людямъ, кто строится, брать дикій бутовый камень, велите имъ бутить моимъ кирпичомъ? А сапожникъ сказалъ бы: не велите людямъ

на волочкахъ ѣздить, прикажите имъ пѣши ходить; я–де тружусь, мое ремесло дѣло нужное, полезное, а харчи нынѣ дорогіе, такъ поддержите меня! Да чорта ли въ твоемъ ремеслѣ, если оно само не держится? Закрой кирпичный заводъ, если невыгодно, брось тачать сапоги, берись за другое дѣло, а нѣтъ, такъ пропадай ты одинъ, а со всѣхъ насъ оброку не собирай. Мартышка у дѣдушки Крылова умаялась, колоду катавши, да спасиба ей нѣтъ ни отъ кого; трудъ за трудъ, услуга за услугу, а чорту батракъ — съ него и проси на труды!

«Промыслы состроились для нашего раздолья; гдѣ помѣха потребѣ моей, тамъ и выросло ремесло. Такъ не–ужь–то строить помѣхи, здорово живешь, перечить тому, что Богъ далъ, да кормить ремесло? Пожалуй, давайте: тогда надо, напередъ всего, просить начальство, чтобъ дорльгъ не дѣлать, каналовъ не копать, пороговъ не рвать: чтль больше помѣхъ, тль больше поживы рабочимъ... Тогда ломай и жги все, чтль называется машиной, она хлѣбъ отбиваетъ у людей; пряди въ ручную на самопрялкѣ, мельницы жги, мели въ

ручную, на татарскомъ жерновкѣ... Тогда, братцы мои, не надо намъ паруса, не надо и подавно пара — повеземъ все гужомъ; а подумавши и гужъ бросимъ, возьмемъ вьюкъ, да и вьюка не надо, а пріймемся за носилку, не то станемъ все таскать охабкой, да пригорстью; это выгоднѣе будетъ рабочимъ, прокормитъ много людей... всѣ мы обнищаемъ тогда, что правда: что было дешево, будетъ дорого; запросу будетъ много, привозу мало — словомъ, будетъ бѣдность, нищета... да хоть и рыло въ крови — а наша взяла!

«Вотъ оно куда пошло, братцы мои! вотъ онъ каковъ, клубочекъ–то! Доискались, что ли?

«Чтъ работа съ плечъ, то человѣку легче; не работа по себѣ богатитъ, а работа путная; мартышкѣ нѣтъ спасиба, а есть исполать крестьянину. Работа не цѣль, а средство; можно обойдтись безъ него — намъ же легче; а работа пойдетъ на другое дѣло, объ этомъ не заботься. Если одну половину народа заставишь воду толочь, а другую половину кормить за это толкуновъ — такъ это что будетъ?...»

— Хорошо все это, сказалъ Кондратьичъ: — да только вотъ что, Гаврило Степанычъ, чужаго–то не пускать, чтобъ свое въ ходъ пошло; на что намъ чужое? у насъ есть все свое, поддержи только своихъ!

— Коли намъ чужое не нужно, началъ опять Гребневъ: — такъ мы его и сами брать не станемъ и возить его къ намъ не будутъ; почему не возятъ къ намъ воловьихъ шкуръ, сала и дегтя? Торговлѣ Богъ пути кажетъ; она изъ найдетъ, ты только не мѣшай; прочищать прочищай дорожку, гдѣ только можно облегчить труд человѣческій, все это ростъ на твой истинникъ, а препоны не клади нигдѣ, ни запрету; запретъ не поддержка, а верига; поддержать одного — угнести всѣхъ. Что тебѣ до межи, до грани, черезъ которую ты не хочешь пускать товаръ? Межа дѣло государево, а люди и тутъ и тамъ одни и пользы изъ однѣ. Ну, вотъ тебѣ примѣръ: положимъ, Бельгія земля голландская; владѣетъ ею тотъ же голландскій король. — Тогда, говорятъ, для поддержки торговли своей, бельгійской, надо французскую границу обложить

запретомъ. Вдругъ перешла Бельгія къ Французамъ; владѣетъ ею, стало–быть, французскій король — чтѣ жь, развѣ отъ этого, что сталъ другой король, и выгоды и пользы обывателей не тѣ, чтѣ были вчера? Нѣтъ, говорятъ, не тѣ; теперь Бельгія и Франція подъ одной рукой, такъ будь между ними, для ихъ же пользы, торговля свободная, а чтобъ не нажить грѣха отъ Голландцевъ, чтобъ они не завалили рынковъ своимъ товаромъ, такъ положи запретъ на голландскую границу... Эка дичь! да какая жь и кому бѣда, коли Голландцы завалятъ рынки своимъ товаромъ? Товаръ будетъ дешевъ, деньги дороги, потому–что будетъ много привоза и меньше спроса, стало–быть, будетъ въ народѣ обиліе, избытокъ, богатство!

«А твоя поддержка своихъ, нешто это не та же голодуха вмѣсто сытости? Въ Серпуховѣ, вонъ трое портныхъ, да и тѣ плохи, да много вина пьютъ, да дорого берутъ за прикладъ и работу; кому сподручно, шьютъ, сказываютъ, одежду въ Москвѣ; тутъ и лучше и дешевле: такъ они, вишь, просьбу подаютъ, чтобъ

Серпуховцамъ приказано было не отдавать на Москву, а ради поддержки своихъ портныхъ, хоть дери они чтѣ хотятъ, шить у нихъ? А какая жь благодать матушкѣ–Россіи отъ серпуховскихъ портныхъ? Прійдетъ такое время, что сходнѣе будетъ шить дома — мужикъ хоть и сѣръ, а умъ у него не волкъ съѣлъ, самъ догадается, въ Москву не поѣдетъ; а сходнѣе брать одёжу на Москвѣ, кому это помѣха? Если мнѣ такъ сходнѣе, то я отъ этого богатѣю, а царево богатство въ нашихъ рукахъ; народъ богатъ — и царь богатъ, и царство богато. Выгода потребителя — выгода общая; барышъ промыловаго — капля въ морѣ. Не миновать того промысловому, что жить на нашъ счетъ по круговой порукѣ; да живи онъ, какъ Богъ велѣлъ, бери по мѣрѣ труда и пользы — само прійдетъ; а для него оброкомъ не облагать стать: этимъ народъ не разживется.»

— Истинно такъ, Гаврило Степанычъ, отозвался Сулейкинъ: — только что сырыя произведенія не должно выпускать, убыточны–съ; это зло–съ; сырыя произведенія отдадимъ— чужія руки

обработаютъ, везутъ назадъ–съ, да съ насъ же денежки берутъ; за свое же добро да имъ же челомъ!

— Не поймавъ, да щиплешь, Филиппъ Егорычъ; не о всякую пору съ тобой потягаться можно; ты лбомъ въ стѣну бьешь — рѣзовъ больно; а коли рѣчь твоя будетъ впереди, такъ давай, потолкуемъ. Ты меня прямо на клубокъ–то и ведешь.

«Чтѣ за такія за сырыя произведенія? Сыръ крушецъ въ землѣ, да оглобля на деревѣ — да и то тогда, коли дерево далось тебѣ безъ уходу, безъ расходу. Всякому труду по заслугамъ — безъ этого не было бы и труда, ни купли, ни продажи. Нешто воловья шкура сырой товаръ? Нешто сало сырой товаръ, и деготь и мачтовый лѣсъ? Я купилъ на свою добрую деньгу скота, купилъ луга, косилъ траву, либо платилъ за это работникамъ, нанималъ пастуха, самъ ходилъ да приглядывалъ, кормилъ и ростилъ приплодъ, погналъ въ отгонъ, убилъ, снялъ шкуру, берегъ ее отъ гнили и моли, продалъ мясо, вытопилъ сало, слилъ въ кутыри, платилъ за складку, за провозъ, за доставку — черезъ сколько рукъ все это

прошло — столько было и поживы; трудъ, время, умъ, смётка, положенный капиталъ — все пошло въ разсчетъ, и Англичанинъ не погрузитъ у меня ни одной шкурки, доколѣ не заплатитъ мнѣ за все. Гдѣ же твой сырой товаръ? Изъ шкуры можно выдѣлать кожу такъ и сякъ, на сто ладовъ; можно еще и кожу всю на ремни изрѣзать, да надѣлать хлыстовъ, либо арапниковъ; можно всю ее изрѣзать на корешки, да переплести ею книги; мало ли что можно! да выгодно ли мнѣ этимъ заняться? Я взялъ на сырой кожѣ, съ учетомъ труда и всего прочаго, 15 сль–ста; заставь меня наточать изъ нея сапоги — я долженъ продать въ убытокъ; вонъ, поди, потягайся съ кимряками, да поставь сапожную работу по ихъ цѣнѣ; а не поставишь, такъ доплатишь. Сосѣдка моя держитъ три коровки, да продаетъ молочко: чего жь ты глядишь? чтѣ ты ей не запечатаешь хлѣва? пусть дѣлаетъ голландскій сыръ; хоть по пальцамъ раскинемъ, такъ выгоднѣе будетъ!

«Нѣтъ, другъ любезный, сыраго товара нѣтъ. И молочко въ коровкѣ переварилось,

а труда хозяйскаго было не мало, поколѣ онъ коровку свою выростилъ да прокормилъ. Зачѣмъ возятъ къ намъ на Москву свѣчи и мыло изъ Казани, да чуть–ли еще и не изъ Вологды? Стало–быть, есть выгода, и выгода не одному тому, кто продаетъ, а и тому, кто покупаетъ, потребителю; а потребитель — народъ, вся земля. Продавъ воловью шкуру, изъ которой выйдетъ 20 паръ сапоговъ, я за выручку покупаю одну пару — да все мнѣ это выгоднѣе, чѣмъ выдѣлать кожу самому, либо держать на это своего скорняка либо кожевника, да шить самому на себя сапоги. Мнѣ выгодно — стало–быть, я этимъ наживаюсь; а если я богатѣю, такъ это добро и государству нашему: оно стоцтъ и красится міромъ, людьми.

«Для чего продаю я кожи свои Англичанамъ? Мнѣ выгоднѣе — они дороже даютъ; заплати мнѣ въ Москвѣ ту же цѣну, я не пошлю ихъ въ Питеръ. Чтль же будетъ, коли ты запретишь мнѣ продавать Англичанамъ? Я продамъ ихъ по–неволѣ дльма, возьму за нихъ дешево, продамъ въ убытокъ, обѣднѣю, брошу этотъ промыслъ:

разводи скотъ кто хочетъ, а мнѣ не выгодно. Какая жь въ этомъ будетъ польза государству? гдѣ тутъ общее благо?

«То же станется, Филиппъ Егорычъ, коли ты запрешь калитку изъ–заморья, да не пустишь сюда товаръ выдѣланный. Зачѣмъ ты, первый ревнитель общаго блага, купилъ и носишь на часахъ цѣпочку французскую? Она дрянь; ей и всего–то цѣна пять алтынъ — да отъ–чего же ты не далъ ихъ заработать Русскому?»

— Отъ–чего? сказалъ Сулейкинъ, вытаращивъ глаза и вытянувшись въ струнку: — да отъ–того, что у насъ не дѣлаютъ ихъ.

— Какъ не дѣлаютъ! Чтѣ ты говоришь? Закажи, сдѣлаютъ; за деньги все найдешь, кромѣ птичьяго молока.

— Заказать–съ, да... заказать; на–заказъ, то–есть, дорого будетъ, отвѣчалъ тотъ, поигрывая цѣпочкой.

— А! вотъ оно что! закричалъ Гребневъ: — дърого! Не бось, и тебѣ своя подоплёка ближе чужой! Вотъ въ томъ–то и дѣло; у насъ есть и свой товаръ такой, костромской работы, такъ не утаишь грѣха,

что больно–плохо; а захоти хорошаго — несходно. Коли мнѣ дома купить убыточно, такъ кому же барышъ отъ этого, не–ужь–то всему царству? Нѣтъ, одному только мастеру тому, который исплошилъ меня на прихоти моей. А коли мнѣ купить изъ–за моря сходнѣй, такъ, стало–быть, у меня лишняя копейка въ карманѣ осталась, я тѣми же деньгами изворочусь еще на другое дѣло, я сталъ зажиточнѣе — мнѣ добро, а никому нѣтъ худа. На чемъ ни сойдемся, Филиппъ Егорычъ, а ужь холодёна моя: какъ ни верти, а правда тутъ какъ тутъ.»

V.

РАЗДУМЬЕ.

День этотъ кончился, покинувъ всѣхъ, кромѣ самого Гаврила Степановича, въ крайнемъ недоумѣніи. Всѣ ждали большихъ тревогъ и переворотовъ, и все кончилось — если это можно назвать концомъ — тихо и

мирно; старикъ былъ такъ спокоенъ и веселъ, какъ–будто не бывало никакихъ семейныхъ раздоровъ, а, напротивъ, будто теперь все пришло въ желаемый порядокъ. Гребневъ–сынъ заперся въ своей комнатѣ и люди увѣряли, что онъ боленъ; Маша неотступно приставала къ мужу, требуя совѣтовъ и задавая ему каждую четверть часа по новому пріему плановъ и предположеній, а Шрейеръ подергивалъ головой, пожималъ плечами и видимо уклонялся отъ прямаго и положительнаго совѣта, чѣмъ окончательно выводилъ жену свою изъ терпѣнія. Авотья Ивановна растерялась вовсе, не знала, жаловаться ли ей на бѣдственную судьбу свою и на испытаніе, которое Господь Богъ по благости своей насылаетъ, или молчать и быть довольною тѣмъ, чтъ и какъ есть; ей казалось иногда, что всякая достойная мать и благоразумная супруга расплылась бы на ея мѣстѣ въ слезахъ и стала бы вопить на весь домъ, но у нея не доставало смѣлости на это, она робѣла при одной мысли о Гаврилѣ Степановичѣ и не чувствовала въ себѣ столько силы, чтобъ выдержать при

немъ съ надлежащимъ достоинствомъ такое поведеніе. Подумавъ немного, она рѣшилась принять видъ двусмысленный, ни къ чему не обязывающій, то–есть, вздыхать по–временамъ, покачивая головой, но молчать и выжидать, подготовляя, впрочемъ, къ первому удобному случаю нѣсколько невинныхъ хитростей, которыми она, какъ намъ уже извѣстно, изворачивалась вообще довольно–удачно.

Поутру слѣдующаго дня, Михайло Гребневъ вышелъ изъ добровольнаго заточенія своего, блѣдный, разстроенный, но спокойный и рѣшительный. Онъ пошелъ со двора, часа черезъ два воротился, пошелъ къ отцу просить позволенія ѣхать сегодня, зашелъ также переговорить словцо съ матерью и послалъ за лошадьми.

Разговоръ съ Авдотьей Ивановной, впрочемъ, какъ–то не клеился; она съ трудомъ удерживалась отъ плача и смотрѣла на сына съ какимъ–то состраданіемъ и недоумѣніемъ: ей вотъ такъ и хотѣлось пуститься на причитанья, но, оглянувшись на дверь, въ которую каждую минуту могъ явиться Гаврило

Степановичъ, она нѣмѣла, заправляла чувства свои глубокимъ вздохомъ и безпокойно похаживала, будто за дѣломъ, отъ окна къ шкафу, а отъ шкафа къ коммоду. Даже сыну, Михайлѣ Гавриловичу, сдѣлалось какъ–то неловко, и онъ вскорѣ вышелъ.

Лошадей привели; колокольчикъ съ припутаннымъ язычкомъ началъ глухо побрякивать; въ домѣ Гребнева сдѣлалась какая–то необычайная тревога и суета; но когда хозяинъ явился у окна, то спокойный и чинный видъ его какъ–будто электрической искрой пробѣжалъ по всему дому и сообщился всѣмъ обывателямъ его; даже Михайло, возившійся въ своей комнатѣ съ чемоданами, самъ не зная отъ–чего, остановился, взглянулъ въ окно черезъ дворъ, увидѣлъ отца и молча, съ глубокимъ вздохомъ принялся опять тихо за свое дѣло.

Наконецъ все было уложено; Михайло пошелъ проститься. Отецъ встрѣтилъ его спокойно и весело, будто ничего не бывало, обнялъ и благословилъ его; мать была въ крайнемъ недоумѣніи, не зная уже вовсе,

какъ ей быть и что дѣлать; но вѣковая привычка безусловнаго повиновенія Гаврилѣ Степановичу взяла верхъ; Авдотья Ивановна чинно и степенно послѣдовала его примѣру, хотя ей все еще казалось, будто передъ нею дѣется какая–то дурная шутка и оба родимые ея, мужъ и сынъ, одумаются и покончатъ дѣло это внезапной мировой. Въ этой надеждѣ только она и рѣшилась схитрить, то–есть, удержаться въ самыхъ чинныхъ границахъ и показаться спокойною и довольною; но когда все это не повело ни къ чему, а Миша сѣлъ и повозка покатила со двора, то Авдотью Ивановну почти унесли на рукахъ въ ея покои. Она въ–послѣдствіи долго не могла простить себѣ, что схитрила такъ неудачно. Съ сестрой и зятемъ Миша простился наканунѣ; но тѣ, не вѣря столь скорому отъѣзду его, котораго онъ, впрочемъ, и самъ не могъ въ то время опредѣлить съ точностью, завернули, вечеркомъ, провѣдать, чтѣ дѣлается въ Замоскворѣчьи. Отъѣздъ мишинъ ихъ крѣпко озадачилъ; Шрейеръ посидѣлъ со старикомъ, кой о чемъ помолчалъ и покрутилъ головой; Маша съ трудомъ

нѣсколько урезонила Авдотью Ивановну, сама принявъ какой–то невольно–веселый видъ; но, не смотря на насиліе это, была не въ своей тарелкѣ и не могла въ обращеніи своемъ попасть на такой ладъ, чтобъ сколько–нибудь согласовать разладицу между хозяиномъ и хозяйкой, да и вообще цѣлаго дома.

— Что это за скука, сказала она съ досадой и огорченіемъ мужу, когда они раньше обыкновеннаго поѣхали опять домой: — чтѣ это за скука смертная! Я не вытерплю, воля твоя, крикунчикъ, я не вытерплю; у меня надрывается сердце. (Крикунчикъ — какъ она звала мужа въ переводѣ и въ насмѣшку за молчаливость его — подернулъ плечами и замѣтилъ, что это ничего, пройдетъ.)

— Все пройдетъ, отвѣчала Маша со слезами досады на глазахъ: —все на свѣтѣ пройдетъ и, можетъ–быть, ничего не останется, но это мнѣ плохое утѣшеніе. Нѣтъ, я хочу, чтобъ это все пришло въ свой обычный, благословенный порядокъ, хочу, чтобъ это было скоро, теперь же, сейчасъ; слышишь, крикунчикъ?

— Слышу, отвѣчалъ тотъ и промямкалъ что–то и покрутилъ головой.

— Вот что, продолжала она: — послушай меня хорошенько, Шрейерушка, подумай о томъ, чтѣ я скажу и разсуди: братъ уѣхалъ и это дѣло кончено; теперь надо, непремѣнно надо, устроить все такъ, чтобъ къ пріѣзду его небосклонъ былъ чистъ, чтобъ не было ни тучь, ни даже облаковъ, ни тумана. Надобно разъяснить все то, что въ этомъ дѣлѣ загадочнаго, неяснаго. Ты какъ хочешь, а поѣзжай не отговариваясь и туда и сюда, куда тебя Богъ надоумитъ, и узнай все, чтѣ можно, о Голомяниновыхъ; я же поѣду къ нимъ сама, они у меня на–сердцѣ, и воля твоя, я увѣрена, что тутъ кроется что–нибудь особенное... я брата знаю; если тутъ завязалась любовишка, въ чемъ я почти не сомнѣваюсь, то вѣрь мнѣ, люди эти должны быть достойны нашего вниманія и участія. Это надо разузнать.

Сказано — сдѣлано. Марья Гавриловна, которая не любила откладывать что–нибудь въ долгій ящикъ, на другой же день поутру, раздавъ работу швеямъ и штопальщицамъ и распорядившись по хозяйству, отправилась

прямо къ Голомяниновымъ. Иванъ Андреевичъ, побывавъ за дѣломъ въ Городѣ (т. е. въ гостиномъ дворѣ и на биржѣ) и въ троицкомъ трактирѣ, который служитъ Москвичамъ торговой биржей, видѣлся кой съ кѣмъ и поразспросилъ что могъ о Голомяниновыхъ.

— Ну что? встрѣтила его жена, въ какомъ–то взволнованномъ, но веселомъ расположенiи: — что скажешь, крикунчикъ?

Шрейеръ отвѣчалъ, что онъ встрѣтилъ случайно одного человѣка, которому вѣритъ въ этомъ отношенiи болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ вмѣстѣ, и что этотъ человѣкъ разъяснилъ ему много и говорилъ о вдовѣ Голомяниновой одно только хорошее.

— Ну, сказала Маша: — такъ и мои вѣсти не хуже твоихъ; я просто въ восхищеньи! Что это за милые, достойные люди! Видишь ли, я не ошиблась? О, я знаю брата! Вообрази же себѣ, это онъ, все онъ ей помогалъ; онъ занялся и дѣлами ея всѣми, онъ помогалъ словомъ и дѣломъ... Боже мой, я не знала, куда дѣваться отъ признательности этихъ добрыхъ людей,

хотя признательность эта, вѣрь мнѣ, была такъ скромна, такъ благородна, что я право, не шутя позавидовала Голомяниновой! Она говорила такъ спокойно, съ такимъ чувствомъ... а Олинька, старшая дочь ея, — о, я сейчасъ смекнула, въ чемъ тутъ дѣло — нѣтъ, меня братъ не проведетъ! Олинька не разсыпалась передо мной, и не унижалась, но, право, возвышала и меня вмѣстѣ съ собою: такъ она была благородна, прилична и мила; я видѣла у ней на глазахъ, что она, бѣдненькая, умираетъ съ тоски безъ брата, но она вела себя такъ осторожно, такъ скромно, не смотря на бѣглый раговоръ мой, которымъ я старалась ее завлечь — а ты знаешь, крикунчикъ, что когда я заговорю отъ души, то унять меня трудно, и противостоять трудно: увлекаешься, не правда ли? (И сама дернула его за рукавъ, чтобъ вынудить отвѣтъ).

Шрейеръ важно кивнулъ головой и продолжалъ за нее: — Послушай, вотъ въ чемъ дѣло: вѣдь батюшка не правъ за Голомянинову; вѣдь она у него подъ напраслиной...

— Ну, да, да, пребила его Маша: — я это же и говорю тебѣ; она должна быть женщина рѣдкая…

— Постой, моя милая, я не договорилъ, или, пожалуй, кончи ты прежде, а тамъ выслушай меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, говори, я жду съ нетерпѣніемъ; я высказала все; онѣ меня обворожили, и я непремѣнно дня черезъ два опять ихъ навѣщу — но говори, говори!

Шрейеръ крякнулъ, перекосилъ немного лицо, какъ дѣлывалъ всегда передъ важной бесѣдой, и продолжалъ:

— Вотъ видишь ли, то–есть, вотъ что: старикъ нашъ вѣчно нападалъ на Машу по темнымъ слухамъ, или по сплетнямъ этого Сулейкина, за Голомяниновыхъ; старикъ забилъ себѣ въ голову, что Голомянинова не стѣитъ никакого участія и помощи, что она пустая, тщеславная женщина, которая собственно и была виною разоренія мужа, съѣдая его нарядами своими и полубарскими затѣями. Онъ называлъ ее бездонной кадкой и опасался, чтобъ она не свела съ ума Миши. Это я слышалъ отъ него не разъ и молчалъ; я самъ вѣрилъ

этому, полагая, что старикъ нашъ никого не обидитъ такимъ страшнымъ поклепомъ, еслибъ онъ не зналъ дѣла. Но выходитъ иначе: Голомяниновъ–покойникъ былъ безразсудный мотъ, слабый и тщеславный человѣкъ, который требовалъ отъ жены и баловъ, и нарядовъ, и выѣздовъ; у нихъ изъ–за этого не разъ выходили домашнія распри, о которыхъ никто не зналъ, потому–что Голомянинова никому объ этомъ не говорила, и всегда являлась въ людяхъ, въ угоду мужу, веселая и довольная. Вотъ истина; онъ, покойникъ, промоталъ все достояніе свое, а не она; что осталось, тъ сбережено ею, и она же, не послушавшись совѣта пріятелей, повела дѣла такъ, чтобъ просидѣть съ семьей нѣсколько лѣтъ за черствой коркой, но не опозорить памяти мужа, не объявлять себя несостоятельною, а выплатить понемногу все; вотъ почему, какъ я теперь догадываюсь, и братъ принялъ въ ней такое живое участіе и, радуясь благородству и честности этого бѣднаго семейства, такъ къ нему привязался.

— Видишь ли? видишь ли, сказала Маша сквозь слезы, глядя весело мужу въ глаза: — я знала, что братъ не надѣлаетъ глупостей; я тебѣ сто разъ говорила, что онъ въ загонѣ; отецъ лишилъ его довѣрія, онъ не можетъ объясниться — но онъ остался себѣ вѣренъ! Боже мой! можно ли, чтобъ добрѣйшій, умнѣйшій и правдивѣйшій человѣкъ въ Москвѣ, нашъ добрый старикъ, былъ такъ слѣпъ и несправедливъ въ–отношеніи одного только человѣка — и этотъ человѣкъ — Миша, родной его сынъ, неуступающій въ добрыхъ качествахъ и самому отцу!

— Да, продолжалъ Иванъ Андреевичъ, потряхивая головой, засунувъ одну руку въ карманъ и быстро почесываясь другою въ затылкѣ: — да, вотъ видишь ли, мой другъ, вотъ вѣдь и хорошо, что Миша уѣхалъ; безъ него и старикъ будетъ посговорчивѣе и дѣло разъяснить авось какъ–нибудь да можно; а при Мишѣ было бы трудно: чего тутъ ожидать, коли старикъ уже не разъ сказалъ, что тотъ ему только глаза мозолитъ, да сердце кипятитъ?

— Правда твоя, крикунчикъ мой, все правда! О, да какъ же ты сегодня сталъ разговорчивъ и милъ (и вскочила съ мѣста и обняла мужа). Дѣтки, дѣтки, бѣгите сюда, папа васъ хочетъ поцаловать... Шрейеръ, не охотникъ до чувствительныхъ проявленій, поморщился немного, но перецаловалъ дѣтей и опять почесался въ затылкѣ, разумѣется, не позабывъ тряхнуть и покрутить головой.

— Чтѣ жь ты думаешь дѣлать теперь? спросила у него Маша, взявъ его подъ руку и прохаживаясь съ нимъ по комнатѣ.

— А вотъ, потерпи немного, сказалъ онъ: — къ отцу твоему нельзя сунуться съ вѣтру, съ одними рѣзсказнями; я уже просилъ надежныхъ людей узнать обо всемъ пообстоятельнѣе и подготовлю все, а тамъ, продолжалъ онъ, покручивая головой и пошаркивая самодовольно: — а тамъ, прошу не прогнѣваться — я пристыжу старика передъ самимъ–собой... «Однакожь, какъ?» спросила Маша, и Шрейеръ отдѣлывался общими словами, а Маша настаивала, чтобъ онъ ей разсказалъ все, именно все и до послѣдней мелочи,

какъ и чтѣ онъ сдѣлаетъ; но Шрейеръ умѣлъ ладить съ женою, угождая ей всегда, но не поддаваясь ей во всемъ безусловно, если считалъ это неблагоразумнымъ; въ этомъ же случаѣ, ему мудрено было удовлетворить любопытству жены, не зная самъ еще положительно, какое направленіе дѣло по обстоятельствамъ прійметъ и какъ ему удастся все это уладить. Побѣда осталась за нимъ, онъ не вдался ни въ какія подробности, и Маша, успокоившись наконецъ, сказала только: «Да смотри же, крикунчикъ мой, осторожнѣе, ради Бога, не испорть дѣла — лучше тогда еще разъ посовѣтуйся со мною... не задѣнь слишкомъ–рѣзко честолюбія нашего старика, и прочее. Шрейеръ на все это молча кивалъ головой, продолжая расхаживать по комнатѣ.

Настало воскресенье; Гаврило Степановичъ всталъ, по обычаю своему, рано, умылся, помолился, присѣлъ за самоваръ вмѣстѣ съ Авдотьей Ивановной, досталъ изъ кармана какое–то письмо, вѣроятно, дѣловое, подумала Авдотья Ивановна, которая вообще не оказывала

большаго уваженія къ письменности — но дѣловое письмо это, по-видимому, крѣпко занимало Гаврила Степановича, потому-что получено было уже въ субботу, а ныньче перечитывалось еще въ другой или третій разъ. Письмо это было отъ сына, отъ Миши, и въ немъ говорилось вотъ что:

«Милостивый государь, дражайшій и душевно-чтимый батюшка!

«Отроду въ первый разъ сажусь я за письмо къ вамъ; доселѣ я почти не разлучался съ вами, а во время короткихъ поѣздокъ вашихъ мнѣ писать къ вамъ не случалось. Пріймите же это первое мое письмо, какъ покаяніе и завѣщаніе мое; между вами и мною стоитъ одинъ только Богъ.»

Я васъ люблю такъ, какъ только сынъ отца любить можетъ; я чту васъ и уважаю болѣе, чѣмъ кто-нибудь; а вы знаете сами, что васъ чтитъ и уважаетъ вся Москва. Вы такъ умны, такъ добры ко всѣмъ и такъ правдивы, что я долженъ быть передъ вами виноватъ кругломъ. Безъ вины моей не могло бы статься то, что надо мною сбылось... Я не ханжу, я искренно вѣрю

теперь, что я великій грѣшникъ передъ вами и сынъ недостойный. Болѣе не знаю и не могу сказать теперь ничего: я еще не опомнился и голова моя идетъ кругльмъ. Дайте мнѣ время, я еще одумаюсь, остыну, прійду въ себя и выскажу болѣе. Теперь у меня на сердцѣ только это.

«Вотъ мое покаяніе; пріймите же, батюшка, также благосклонно и завѣщаніе мое, на время моего отсутствія.

«Вы знаете, хотя только по темнымъ и несправедливымъ слухамъ, Голомяниновыхъ. Не смѣю говорить въ пользу ихъ ничего, не чувствуя къ тому за собою никакого права. Вы не обязаны вѣрить мнѣ болѣе, чѣмъ другому. Но если правдивость ваша не откажется отъ того, чтобъ узнать дѣло поближе, черезъ источники чистые, надежные — на-примѣръ, черезъ собственныя ваши ясныя очи — о, еслибъ!... то вы бы измѣнили мнѣніе свое; но я не смѣю этого надѣяться, и потому прошу и умоляю объ одномъ: помогите имъ; безъ меня имъ ни отъ кого помощи не будетъ. Пусть онѣ и недостойны милости вашей, но милость достойна будетъ

васъ. Я доселѣ не сдѣлалъ имъ ни одного подарка: все, чѣмъ я могъ располагать, внесено у нихъ въ долговую книгу, и если Богъ пособитъ имъ кончить дѣла, какъ они велись доселѣ, то всѣ должники будутъ удовлетворены. Положеніе дѣлъ ихъ мнѣ извѣстно въ точности.

«Затѣмъ, остается еще одно покаяніе — послѣднее: васъ безпокоило, вамъ не нравилось это знакомство; даю вамъ слово сына Гаврилы Степановича Гребнева, что я не только не женюсь, но и не обяжусь ничѣмъ безъ вашей воли на то.

«Цалую ваши и матушкины ручки, молю о вашемъ общемъ благословеніи и много, много благодарю васъ за отпускъ. Я освѣжусь немного и авось ворочусь поумнѣе.»

Прочитавъ еще разъ письмо, старикъ свернулъ его, положилъ въ карманъ и сказалъ Авдотьѣ Ивановнѣ сухо: «Миша тебѣ кланяется, старуха, да цалуетъ ручки». Авдотья Ивановна чуть не уронила чайника изъ рукъ и посмотрѣла такъ жалобно на мужа, что онъ, разсмѣявшись, прибавилъ: «небось, здоровъ и невридимъ;

пишетъ изъ Питера — и пишетъ хорошо; я имъ доволенъ». У Авдотьи Ивановны отлегло немного отъ сердца, чай полился обычной струей изъ чайника, слеза капнула изъ глазъ, и она глубоко вздохнула. Она, бѣдная, такъ была убита, что ей даже не шли на умъ никакія хитрости, ни уловки. Придумала она–было рано утромъ сегодня, по поводу воскреснаго дня, въ который Гаврило Степановичъ никогда не сердился и давалъ языку ея полную свободу, даже острилъ всегда до обѣдни менѣе обыкновеннаго, придумала она–было, горемычная, подвести какъ–нибудь ловко разговоръ о томъ, что вотъ–де сегодня праздникъ Господень, и какъ счастливы люди, примирившіеся къ этому дню со всѣми, живущіе благословеніемъ Божіимъ среди семьи своей, съ чадами и домочадцами и прочая, но все это она такъ только передумала, для собственнаго утѣшенія или забавы, не надѣясь выдержать такую поучительную бесѣду на дѣлѣ. Она, бѣдная, упала духомъ болѣе, чѣмъ когда–либо.

Дверь растворилась, и обычный поздравитель съ праздникомъ, Сулейкинъ, явился за своей воскресной чашкой чая. Чтобъ тебѣ ею подавиться! подумала про себя Авдотья Ивановна, взглянувъ на постылаго гостя, и вѣрно очень–ясно высказала пожеланіе это на безстрастномъ лицѣ своемъ, потому–что Гаврило Степановичъ обратился къ ней въ–полголовы и сказалъ: «не хорошо, матушка, Авдотья Ивановна, встрѣчать съ такимъ недоброжелательствомъ воскресный день: налей–ка Филиппу Егорычу чашечку чайку, да собирайся, скоро пора будетъ къ обѣднѣ».

Поблагодаривъ отрывисто направо и налѣво и расшаркавшись въ два или три темпа, Сулейкинъ, или какъ его Гаврило Степановичъ зывалъ по буднямъ, скороговорка, тотчасъ завелъ и пустилъ свои куранты, но на этотъ разъ, зная обычай старика, онъ оставилъ всѣ сплетни свои въ запасѣ, на–вечеръ, а сталъ вытряхивать однѣ желанныя вѣсти. Онъ выхватилъ изъ–за пазухи пучокъ бумагъ и приподнялъ ихъ побѣдоносно надъ

головою: «Вотъ», говорилъ онъ: «вотъ–съ, Гаврило Степанычъ, сокровище, золото–съ, дороже хлѣба насущнаго, живота скудельнаго» — и прижалъ бумаги къ сердцу своему — «за васъ, за васъ, Гаврило Степанычъ, обрѣтаюсь въ радостяхъ, и вамъ, не въ угоду, то–есть, и не въ супротивность, а ради единаго правдолюбія, вамъ принесъ я истинную драгоцѣнность эту, на радость и на утѣшеніе.

Гаврило Степановичъ разсмѣялся, сказавъ: — что за диво такое? Ужь не княжескую ли граммату ты мнѣ выходилъ? А Авдотья Ивановна смотрѣла на Сулейкина въ недоумѣніи; такихъ рѣчей она отъ него еще не слыхивала.

— Лучше княжеской грамматы, Гаврило Степанычъ, продолжалъ Сулейкинъ: — дороже–съ; этого ни люди, ни царь не дадутъ — это Богъ вамъ далъ, да добрыя ваши дѣла. Вотъ, не бось, Ивану Тимоѳеичу не далъ Богъ такого сына.

— Оставь Ивана Тимоѳеича, сказалъ старикъ: — не такой теперь день, не такое время: ѣдемъ къ обѣднѣ, не до пересудовъ.

Безъ толку мѣлитеся, безъ мѣры погрѣшаете. Ну, что же? говори!

— Вотъ–съ, продолжалъ Сулейкинъ, сіяя какимъ–то вдохновительнымъ восторгомъ: — твоя отъ твоихъ, тебѣ приносяще — извольте на досугѣ прочесть — изумительно, не облыжно сказать, что изумительно!

— Да что такое, говори, безтолковый. Вѣдь съ тобою и нѣхотя согрѣшишь!

— Вотъ–съ, досталъ я, по случайности — Богъ пути кажетъ — кой–какія записочки Михайла Гаврилыча: то–есть, вотъ, долженъ быть человѣкъ–съ... голова, голова — и правдолюбъ какой — душа нагишомъ — вотъ, извольте видѣть — собственноручныя, съ помарками — подлогу никакого быть не можетъ — истина святая — записка о торговлѣ кяхтинской, которой намедни сами изволили дивиться, что не въ примѣръ умно написана — она собственноручная Михайла Гаврилыча, съ поправками и перемарками его же руки; вотъ–съ, о торговомъ товариществѣ для оренбургской торговли — его же–съ; вотъ еще, что прошлаго года ходила по рукамъ,

да сами вы въ тѣ–поры изволили отнестись, то–есть, отозваться, что не стыдно–де тому на свѣтѣ жить, ктѣ записку эту написалъ — вотъ она–съ, о запрудѣ Бѣлъ–Озера и образованіи изъ него, черезъ Шексну, запаснаго водоема для Волги... Гаврило Степанычъ, я съ поличнымъ передъ вами; все это труды ваши, по прямому нисходящего потомству — умъ и трудъ Михайла Гаврилыча!

Передавъ бумаги старику, который принялъ ихъ молча и въ какомъ–то недоумѣніи, Сулейкинъ перевернулся на каблучкѣ къ Авдотьѣ Ивановнѣ, перегибаясь къ ней въ нѣсколькихъ на–скоро отработанныхъ, деревянныхъ поклонахъ.

— И васъ также, продолжалъ онъ: — и васъ также, сударыня, Авдотья Ивановна, за особенное счастіе поставляю отъ искреннихъ силъ своихъ поздравить, со испрошеніемъ отъ Создателя многолѣтія и вамъ и ему–съ.

Авдотья Ивановна, не совсѣмъ понимая, чтѣ передъ нею дѣлалось, видѣла, однакожь, что рѣчь идетъ тутъ все только о

хорошемъ, и что выхваляется за это сынъ ея; она до того было–разнѣжилась, что привстала и начала снова раскланиваться съ Сулейкинымъ, приговаривая: «простите, Христа–ради... еще чайку чашечку, прошу покорно...»

Гаврило Степановичъ разсмотрѣлъ поверхностно поданныя ему записки, принялъ нѣсколько задумчивый, строгій и степенный видъ, сложилъ бумаги, всталъ, поблагодарилъ Сулейкина и сказалъ; — Это надо разсмотрѣть на досугѣ. Суетныя дѣла впереди. Пора къ обѣднѣ. Хотя Авдотья Ивановна и задержала немного мужа, развозившись съ чаемъ и принявшись не въ мѣру потчивать Сулейкина, но чрезъ полчаса Гребневъ стоялъ уже на своемъ мѣстѣ въ церкви и усердно молился.

VI.

РАЗВЯЗКА.

Между–тѣмъ, въ домѣ Шрейера готовились, по обычаю, встрѣтить дѣдушку.

Дѣти, которыя ожидали этого праздника съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ, хвалились уже другъ передъ другомъ тѣмъ, кто чтъ дѣдушкѣ разскажетъ, и ссорились напередъ о томъ, чей разсказъ будетъ лучше. Шрейеръ явно былъ чѣмъ–то сильно занятъ, ходилъ взадъ и впередъ и задумавшись обнаруживалъ по временамъ, самъ–по–себѣ, какое–то нетерпѣніе, пожимая плечами и покручивая головой. Маша подошла къ нему, обошедъ еще разъ свое хозяйство, потрепала его по щекѣ и старалась его ободрить. Между–тѣмъ, время шло, часъ, въ который старики столько лѣтъ сряду постоянно по воскреснымъ днямъ въѣзжали на дворъ, также прошелъ; обѣдня давно во всѣхъ церквахъ отошла, а ихъ нѣтъ. Маша начала очень безпокоиться, хотѣла уже посылать за справкой, но Шрейеръ ее удерживалъ, поглядывалъ на часы и обнадеживалъ, что авось–де скоро будутъ. Наконецъ, точно, коляска застучала, кинулись къ окну, общій крикъ: «дѣдушка пріѣхалъ!» раздался по всему дому, и старики вошли.

Весь домъ Шрейера ожилъ радостію. Для Маши это былъ всегда такой же праздникъ, какъ и для дѣтей, и еслибъ отецъ не пріѣхалъ къ ней въ воскресенье къ обѣду, то она не знала бы, куда въ этотъ день съ тоски дѣваться. Поэтому, запоздалый пріѣздъ старика, послѣ томительнаго часа ожиданія, былъ причиною еще бльльшей радости. Когда старикъ усѣлся и внуки на него полѣзли со всѣхъ сторонъ, на колѣни, на плеча и только–что не на голову, то Авдотья Ивановна ловко воспользовалась удобной минутой, потихоньку отозвала дочь въ другую комнату и шопотомъ сообщила ей тамъ, что Гаврила Степанычъ, противу обыкновенія своего, на этотъ разъ пріѣхалъ къ нимъ не прямо изъ церкви, а сперва завезъ ее, Авдотью Ивановну, домой, самъ куда–то отправился и пріѣхалъ за нею опять не прежде, какъ черезъ часъ, и что вотъ–де, почему они такъ опоздали, и что все это что–нибудь да значитъ, и не даромъ, а тутъ вѣрно что–нибудь да кроется. На вопросъ дочери, чтль бы тутъ могло крыться особеннаго, и не просто ли

Гаврила Степанычъ заѣзжалъ куда–нибудь по дѣламъ, она таинственно пожала плечами, вздохнула, покачала головой и указала молча на сосѣднюю комнату, гдѣ слышался голосъ старика, который сидѣлъ тамъ со Шрейеромъ и съ дѣтьми; затѣмъ Авдотья Ивановна отправилась, какъ ни въ чемъ не бывала, опять въ общую комнату.

Старикъ былъ необыкновенно–веселъ, привезъ подарки дочери, дѣтямъ и даже зятю — чтѣ онъ дѣлывалъ довольно–рѣдко и никогда почти не дѣлывалъ безъ особеннаго повода, за исключеніемъ развѣ лакомствъ и другихъ бездѣлушекъ, которыми, подъ названіемъ гостинцевъ, дарилъ обыкновенно однихъ только дѣтей. Пошли къ столу; нетерпѣніе Маши и какой–то озабоченный видъ Ивана Андреевича вскорѣ невольно уступили увлекательной веселости старика, и по–временамъ только старуха, вспоминая своего Мишу, горько и тяжело вздыхала, а Маша при томъ же воспоминаніи взглядывала въ какомъ–то ожиданіи на мужа, который, при такихъ обстоятельствахъ, считалъ за лучшее не замѣчать этого вовсе и устремлять глаза съ

большимъ вниманіемъ въ тарелку свою, или хохотать отъ души, прислушиваясь къ шуткамъ тестя. Послѣ обѣда, старикъ, по обычаю, прилегъ отдохнуть, но какъ отдыхъ этотъ никогда не длился болѣе получаса, то онъ вскорѣ опять вышелъ — и этого–то мгновенія благоразумно выжидалъ Иванъ Андреевичъ для обдуманнаго разговора своего со старикомъ. Онъ крякнулъ, когда услышалъ шаги тестя, и мигнулъ Машѣ, которая, между–тѣмъ, сообщила уже чтъ было нужно матери.

— Каково почивали, батюшка? спросилъ Иванъ Андреевичъ, расшаркавшись съ косолапымъ поклономъ.

— Вздремнулъ маленько, отвѣчалъ старикъ: — да немного — будетъ съ меня; а то пробѣжалъ у тебя газеты.

— Что же? есть чтъ новенькаго?

— Какъ же, отвѣчалъ старикъ, усаживаясь на своемъ мѣстѣ, посреди диванчика, передъ столикомъ: — какъ же! какой–то господинъ Бертень–де–Во–младшій, чтъ ли, свалился съ лошади на псовой охотѣ и больно ушибся. Жаль бѣдняка.

Иванъ Андреевичъ невольно разсмѣялся, крякнулъ, и между–тѣмъ, какъ Маша, по условію, уже выманила дѣтей въ другую комнату, чтобъ они не мѣшали, онъ подсѣлъ на стулъ подлѣ тестя, потрепалъ хохолъ свой, покрутилъ головой и сказалъ:

— А чтъ, батюшка, дайте мнѣ поговорить съ вами о нашемъ общемъ дѣлѣ — мнѣ бы надо разсказать вамъ довольно–важныя вѣсти.

— Ѣлъ мужикъ щи съ кашей, сказалъ старикъ: — долго и много, положилъ ложку, вздохнулъ, распоясался, утерся — ты думаешь, кончилъ? Нѣтъ, онъ началъ опять снова. Такъ видно и вы.

— Прибасенка хороша, батюшка, отвѣчалъ Иванъ Андреевичъ: — да, чай, не про меня сложена: я доселѣ все молчалъ и въ первый разъ рѣшаюсь говорить, и хочу говорить правду — а Гаврило Степанычъ Гребневъ, какъ слышно на Москвѣ, правды не боится.

— Говори, сказалъ старикъ, и легъ на столъ локтями, опустивъ нѣсколько голову, собираясь внимательно слушать. Между–

тѣмъ, Маша сочла за лучшее усадить старушку въ другой комнатѣ, а сама, будто по хозяйству, заглядывала туда и сюда, прислушиваясь къ бесѣдѣ отца и мужа, чтобъ быть подъ рукой, когда понадобится.

— Вотъ чтѣ, продолжалъ Шрейеръ: — одна изъ причинъ, по которымъ вы были недовольны Мишей, это связи его съ Голомяниновыми; а связи эти не нравились вамъ потому, что вы не уважали людей этихъ, то–есть, женщинъ, полагая, что вдова была причиной разоренія покойнаго, и что она женщина пустая, тщеславная и сѹетная. Такъ ли?

— Такъ, отвѣчалъ старикъ, который рѣшился, видно, выслушать все до конца. — Ну?

— Ну, продолжалъ Шрейеръ: — а теперь на повѣрку выходитъ вотъ что: — Голомянинова женщина рѣдкая, достойная всякаго уваженія; безразсудство покойника увлекло его къ погибели; онъ самъ и онъ одинъ въ этомъ виноватъ, а она, напротивъ, стараясь скрывать передъ свѣтомъ эту слабость своего мужа, принимала на себя, чтѣ могла, дѣлала все, чтѣ было въ силахъ

ея, чтобъ отвлечь мужа отъ несчастной его страсти, покоряясь только по необходимости; по смерти же его, она, какъ умная и благородная женщина, знавшая запутанныя дѣла мужа довольно–отчетисто, не послѣдовала совѣтамъ добрыхъ пріятелей, которые совѣтовали ей объявить себя немедленно несостоятельною, а взялась, чтобъ честно почтить память покойника, привести дѣла въ порядокъ, уплатить мало–по–малу долги его; обремененная семействомъ и долгами этими, истязаемая вѣрителями и заимодавцами, въ нуждѣ, въ нищетѣ, она, однакожь, упорно преслѣдовала цѣль свою... когда же почти изнемогла подъ гнетомъ этой непомѣрной тягости и доведена была до отчаянія, то Богъ послалъ ей Михайла Гаврилыча, который вошелъ въ ея дѣла, разсмотрѣвъ все, обнадежилъ ее, что тутъ еще съ честію выйдти можно, занялся ими, помогалъ ее, что тутъ еще съ честію выйдти можно, занялся ими, помогалъ ей, сколько могъ, словомъ и дѣломъ, и хотя теперь запутанныя дѣла ея далеко еще не кончены, но общее мнѣніе,

возстановленное въ пользу бѣдной вдовы, снова подарило ее своею довѣренностью, и полагаютъ, что она со–временемъ очистится и останется честною нищею.

— Ну? спросилъ старикъ, сидя все въ томъ же положенiи, между–тѣмъ, какъ Маша, сочтя время это приличнымъ, подошла тихонько и присѣла по другую сторону столика.

— Больше ничего, сказалъ Иванъ Андреевичъ: — я хотѣлъ только разсказать вамъ дѣло это, какъ оно есть, какъ я его узналъ навѣрное, потому–что васъ обманули.

— Доброе начало полдѣла откачало, сказалъ Гаврило Степановичъ: — но ты все–таки не договорилъ, сошлюсь вотъ хоть на Машу: — ты захлеснуть захлеснулъ узелъ, да не затянулъ. Михайло Гаврилычъ ухаживаетъ за дочкой Голомяниновой — равные обычаи, крѣпкая любовь — и дочка отъ него не прочь; затѣмъ, спасибо тебѣ, братъ, Иванъ Андреевичъ, за прямиковое слово, хоть ты меня ничѣмъ новымъ не удивилъ: все, чтъ ты сказалъ мнѣ, я уже знаю.

Шрейеръ и Маша до крайности изумились и почти въ голосъ спросили: какъ? откуда? давно ли?

— Да Миша оставилъ Голомяниновыхъ на моемъ попеченіи, такъ я сегодня утромъ, помолившись Богу, заѣхалъ къ нимъ, поразспросилъ ихъ кой–о–чемъ и узналъ кой–что. Гость и не долго гоститъ, да много видитъ. Да, братецъ, безъ толку молимся, безъ мѣры согрѣшаемъ, какъ быть! И ты, Маша, какъ на повѣрку выходитъ, хорошо сдѣлала, что побывала у нихъ. Ну, пора до двора. Пріѣзжайте–ка и вы ко мнѣ нынѣ.

— Авдотья Ивановна, сказалъ онъ громко: — а что, какъ эту вещь зовутъ, что двое стоѲтъ, двое лежатъ, пятый ходитъ, шестой водитъ (т. е. дверь)? Авдотья Ивановна поняла знакомый ей намекъ и вскорѣ одѣвшись вышла. Старики сѣли и поѣхали.

— Вотъ загадка! сказала Маша полурадостнымъ, полуопасливымъ голосомъ: — чтѣ это значитъ, какъ это понять?

Иванъ Андреевичъ тряхнулъ нѣсколько разъ утвердительно головой, взялъ жену за

руку и сказалъ: — все хорошо, нельзя лучше.

— Кажется такъ, крикунчикъ, сказала Маша, обнимая его: — кажется, въ-самомъ-дѣлѣ, что все пойдетъ къ лучшему. О, какъ я рада! добрый Миша! Поѣдемъ же поскорѣй; батюшка приглашалъ насъ не даромъ: у него навѣрно что-нибудь есть на умѣ...

У Гаврилы Степановича застали они человѣкъ пять или шесть обычныхъ посѣтителей: самого же его нашли болѣе-обыкновеннаго чиннымъ и степеннымъ. Онъ разговаривалъ мало, хотя и нельзя было сказать, чтобъ онъ былъ не въ духѣ; но его брало какое-то раздумье, и онъ, поглядывая по-временамъ на дверь, явно ожидалъ какого-то явленія, къ которому готовился. Вскорѣ Сулейкинъ вошелъ, расшаркавшись во всѣ стороны, какъ надломленный въ поясницѣ сѣрничокъ и пробормотавъ на-особицу передъ каждымъ изъ болѣе-почетныхъ гостей свое личное высокопочитаніе. Этого-то гостя, по-видимому, ожидалъ Гаврило Степановичъ и, увидавъ его, приподнялъ брови, сложилъ

руки и успокоился, кивнувъ отрывисто головой и защемивъ зубы, будто сказалъ самъ–себѣ: «ладно; теперь ты у меня не отвертишься».

Давъ нѣсколько поегозить Сулейкину и отрапортовать о нынѣшнихъ новостяхъ, Гребневъ сказалъ: «Полно тебѣ тарантить, Филиппъ Егорычъ, а поди–ка лучше сюда, ко мнѣ поближе, вотъ такъ, да сядь насупротивъ: я люблю говорить такъ, чтобъ смотрѣть человѣку въ глаза». Старикъ легъ назадъ, на спинку креселъ, а Сулейкинъ, прижавъ почтительно плеча къ тѣлу, уставилъ на него сѣрые глаза свои, которые выставлялись у него въ такихъ случаяхъ какъ у трески. Всѣ приготовились слушать, чтѣ будетъ.

— А чтѣ, Филиппъ Егорычъ? началъ старикъ съ удареніемъ на каждомъ словѣ: — вѣдь у насъ съ тобой сказанное слово въ кадыкъ не ворочается, не такъ ли?

— Точно такъ–съ.

— То–есть, сказалъ, такъ и отрубилъ. Говорятъ, будто сказанное слово серебряное, несказанное золотое, да, видно, ину–пору сказанное и мѣднаго

гроша не стѣитъ. Кто говорилъ мнѣ про Голомяниновыхъ, что они–де и такія и сякія, что она–де всему злу корень и промотала имѣніе, и мужа разорила, и тому подобное?

— Кто говорилъ? сказалъ Сулейкинъ: — объ этомъ не могу знать–съ, Гаврило Степанычъ; не при мнѣ дѣло было, можетъ–статься, вы изволили запамятовать.

— Съ больной головы да на здоровую, сказалъ старикъ, покачавъ головой: — память у меня, благодаря Бога, еще не совсѣмъ отшибло; какъ же такъ, не при тебѣ дѣло было? А не ты самъ мнѣ это говорилъ?

— Кто–съ? я–съ? чтѣ вы? Господь съ вами, благодѣтель мой, Гаврило Степанычъ? когда?

— Какъ когда? да два раза, милостивецъ мой, у меня съ тобой объ этомъ рѣчь шла, и оба раза ты подтвердилъ то же; когда играли мы въ шахматы, а они ушли, ты остался еще, наговорилъ мнѣ съ три короба про съискной и разбойный приказы, да помянулъ сына, Мишу; вотъ когда, не помнишь?

Авдотья Ивановна, оправивъ концы платка, въ–тихомолку перекрестила себѣ подъ ложечкой, радуясь этой развязкѣ и уликѣ ненавистнаго ей Сулейкина. Маша также торжествовала и нисколько не сомнѣвалась, что черезъ пять минутъ Филиппъ Егорычъ будетъ уже бѣжать рысцой по улицѣ и впередъ долго не заглянетъ въ Замоскворѣчье. Даже Ивана Андреевича забирала смертная охота крякнуть и побуравить въ воздухѣ головой, въ знакъ одобренія, но всеобщая тишина и пристальное любопытство заставили его собраться съ духомъ и молчать. Онъ только одернулъ на себѣ воротнички и сложилъ губы такъ, какъ онѣ складывались сами–собой каждый разъ, когда онъ чмокалъ. Прочіе гости слушали, поглядывая временемъ на того или другаго, либо другъ на друга, и опуская вслѣдъ за тѣмъ глаза.

Сулейкинъ вытянулся на стулѣ такъ, будто его посадили торцомъ и сказалъ: — Гаврило Степанычъ, извольте припомнить, дѣло было не такъ. Что знаю, тль говорю, и на стѣну полѣзу, скажу; чего не знаю — не говорилъ; я Голомяниновыхъ не знаю въ

глаза, и ничего объ нихъ не слышалъ, кромѣ что отъ васъ. Вы въ тѣ поры изволили сказать, что Голомяниновы вотъ то и то, а я, извѣстно, какъ дѣла я не знаю, спорить мнѣ было нѣ въ чемъ, а, то–есть, полагалъ я, что вамъ по самой сущности все извѣстно, — то я только доложилъ: должно быть, что такъ–съ.

— Какъ? спросилъ Гаврило Степановичъ протяжно.

— Такъ точно–съ; будьте увѣрены, облыжности во мнѣ не найдете. Съ голода распухну, за это не поручусь, а на истину не посягну. Вы сами мнѣ сказали объ этомъ, то–есть, къ слову пришлось; опять же тогда гнѣваться изволили на Михайла Гаврилыча, а какъ вы меня изволили перебить, а я желалъ, то–есть, продолжатъ разговоръ свой, сказалъ, и каюсь и винюсь, сказалъ только, полагаясь, то–есть, на ваши слова, что оно дѣйствительно должно быть такъ, но сказалъ голословно, бездоказательно, на вѣтеръ, по вашимъ словамъ.

У всѣхъ присутствовавшихъ лица вытянулись по шестую пуговицу. Этой

развязки никто не ждалъ, а менѣе всего самъ Гребневъ. Подумавъ немного, онъ сказалъ: «Хвала тебѣ, Филиппъ Егорычъ, и «прости, братъ, меня, да не памятуй впредь. За это жена станетъ тебя жаловать и сама будетъ за тобою ухаживать». Сулейкинъ вскочилъ и раскланялся съ Авдотьей Ивановной, а Гребневъ, помолчавъ, продолжалъ: «На человѣческую глупость есть Божья премудрость. Теперь дѣло объяснилось, и будьте спокойны, я все устрою такъ, что никому изъ васъ противности не будетъ.» Маша вскочила и бросилась отцу на шею; а потомъ подошла къ Сулейкину и подала ему руку. Онъ кланялся въ переломъ, бормоталъ что–то и слегка разводилъ руками, будто оправдывался. Авдотья Ивановна исподтишка плакала, но косилась однимъ уголкомъ глаза на старика, чтобъ въ случаѣ чего встрѣтить взглядъ его улыбкой… чтъ и удалось ей исполнить. Шрейеръ открякнулся и откашлялся въ нѣсколько пріемовъ, желая наверстать потерянное время.

Миша, который было–препорядочно разнемогся, отъ того и сего, а, вѣроятно, также отъ тоски и огорченій, получилъ по первой почтѣ, послѣ описаннаго нами явленія, письмо, которое вдругъ поставило его на ноги и было сердцу его милѣе всего на свѣтѣ. Во всю жизнь его онъ еще такой радости не испытывалъ; вотъ оно:

«Любезный сынъ мой, Миша! На человѣческую дурость есть Божья премудрость. Ты, братъ, ничего не могъ умнѣе придумать, какъ уѣхать отсюда на время, чтобъ дать намъ просторъ одуматься, да соскучиться по тебѣ, да распутать и очистить паутину, которая подъ старость завелась–было въ головѣ твоего отца. Больше никого и не вини: сестра тебѣ все разскажетъ: она все знаетъ; отъ нея, какъ самъ ты знаешь, нашему брату ни куда дѣваться. Спасибо, что ты мнѣ, отцу, поручилъ Голомяниновыхъ; люблю молодца за обычай. Я навѣщалъ ихъ, ознакомился съ ихъ дѣлами и объявилъ уже въ городѣ, что беру дѣла ихъ на себя: авось дадутъ намъ съ тобой вѣру — ась? Вѣдь наше авось не съ дуба сорвалось. При этомъ случаѣ

народъ зашевелился, а бабы наши поправили чепцы на лѣвое ухо: смекаемъ–де, выйдетъ парочка, баранъ да ярочка. Какъ знаешь: коли правду люди врутъ, такъ быть не по твьему; а нѣтъ, такъ нѣтъ. Образъ вымѣнять недолго, хоть бы и въ золотой ризѣ. Матушка твоя ходитъ около меня на цыпочкахъ, бить не бьетъ, да и прочь не йдетъ — стало–быть, вѣсти дошли и до нея, и она за тебя. Коли чтль, такъ ужь ты, ради Бога, ее не минуй, а дай ей самой съѣздить за крестною и кончить все чиннымъ, исконнымъ обычаемъ. Хоть въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ и не ходятъ, но Нѣмцу моему она простила, что онъ не въ порядкѣ дѣло повелъ, потому–что онъ Нѣмецъ; а ты, чай, не вовсе опитерился еще и матери обидѣть не захочешь. О Голомяниновыхъ знаю все. А что ты не говорилъ мнѣ объ нихъ, какъ слѣдуетъ, такъ за это не пеняю, потому–что я бы тебѣ тогда ни въ чемъ не повѣрилъ.

«Читалъ я, Миша, записки твои: ихъ добылъ наша пожарная трещотка, и радовался и дивовался имъ почти со

столько же, какъ и я; только–что онъ трещитъ, а я молчу. Хорошо; напрасно ты не показалъ мнѣ раньше. Стало–быть, ты думалъ о своемъ дѣлѣ, и думалъ не мало. Хорошо. Такъ на Филиппа Егоровича впередъ не пеняй: онъ за тебя. Сердце у него доброе и толкъ въ немъ есть, хоть и не втьлканъ весь.

«Тѣмъ часомъ я придумалъ вотъ что: давно уже я разбиралъ на умахъ, какъ бы устроить сына и передать ему торговлю свою, оставаясь на старости лѣтъ хоть сторожемъ съ дубиной — да я все думалъ, что сынъ у меня не годится на это, такъ горевалъ, да молчалъ. Теперь, когда Господь велѣлъ намъ прозрѣть и вразумилъ насъ, помѣхи нѣтъ. Ты пріѣдешь на готовое, я все устрою. На покой мнѣ рано, но теперь мы сойдемся, я тебѣ отдамъ и книги въ руки, благословлю, дамъ полную свободу: моя часть будетъ и твоя будетъ, отдѣльная, и истинникъ свой; раздѣлимся пополамъ, а помру, все возьмешь. Ты работай своимъ умомъ и на себя, а я ужь стану заработывать на машину лапшу, на внучатъ. Жить будешь на маломъ

подъѣздѣ, который передѣлывается въ большой, а двери будутъ самыя новомодныя, съ цвѣтными стеклами. Матушка твоя молчитъ, но ужь носится съ образцами тарелокъ. Сестра твоя безъ ума отъ радости, а Нѣмецъ мой подбираетъ фалды и лазитъ по лѣсамъ между кирпичами. Сулейкина я сгонялъ раза два со двора — суется не въ свое дѣло, не смыслитъ ни аза въ глаза, а туда же: я засталъ его съ саженью въ рукахъ. Словомъ, у насъ все хорошо и въ полномъ ходу.

«Вотъ и все; но пріѣзжать не торопись: ты еще провѣтрись маленько, а намъ дай покончить свое. Пусть время краску съ лица сгонитъ — обоимъ не стыдно будетъ. Прощай, братъ, Миша; мое тебѣ отцовское благословенье, и отъ матери тоже.»

В. ДАЛЬ.